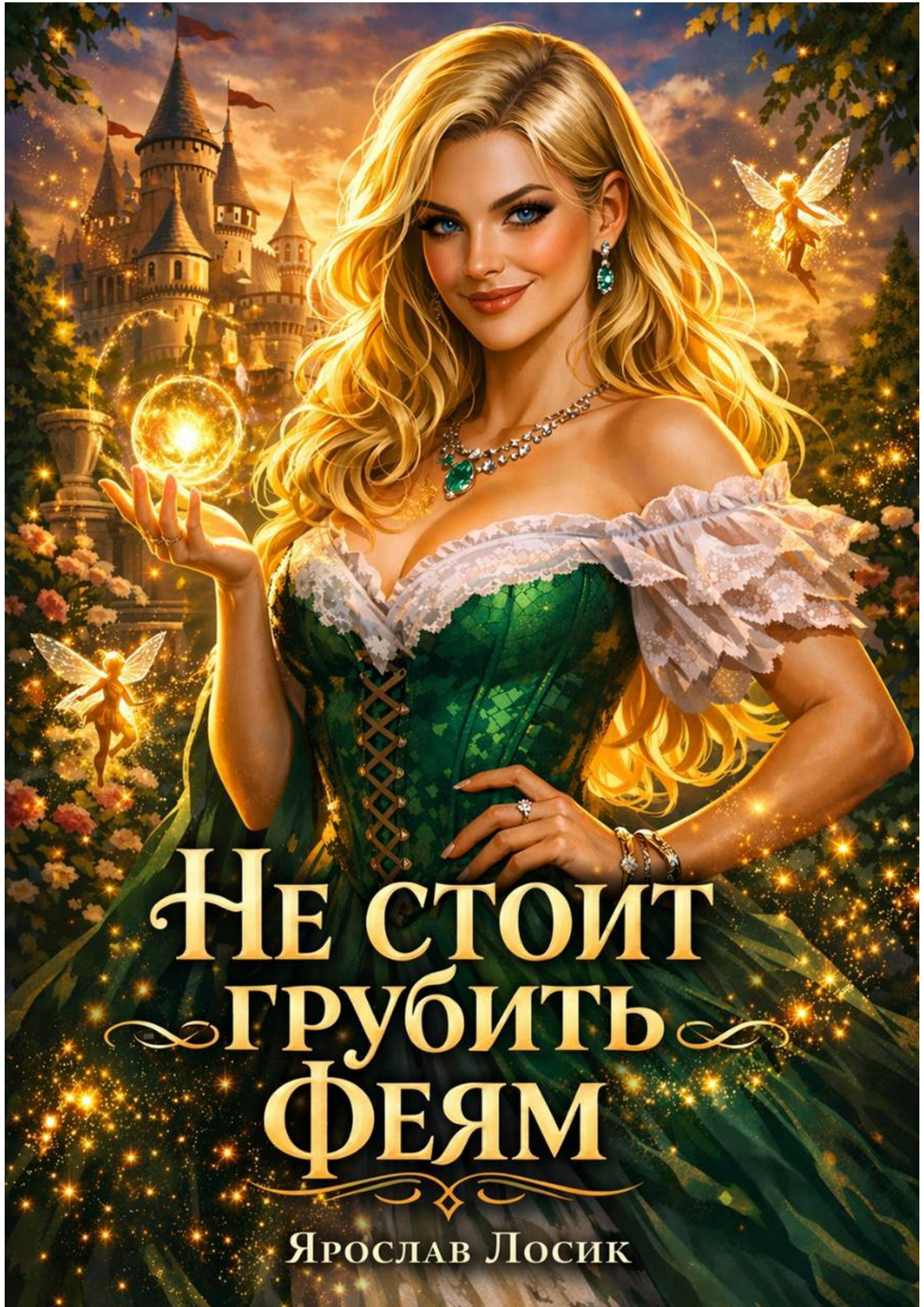




НЕ СТОИТ ГРУБИТЬ ФЕЯМ

Ярослав Лосик

Ярослав Лосик

Не стоит грубить феям

«Автор»

2026

Лосик Я.

Не стоит грубить феям / Я. Лосик — «Автор», 2026

Меня зовут Глеб. Я тот самый парень, который может покорить любую девчонку. Долгие отношения? Спасибо, не надо. Обиделась? Твои проблемы. Так я думал, пока одна из бывших не подкинула трудностей. Теперь я — юная маркиза с крайне неприятной перспективой выйти замуж за герцога. Вокруг средневековые, магические твари, инквизиция и люди, уверенные, что во мне сидит демон. Честно говоря, они недалеко от истины.

© Лосик Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ярослав Лосик

Не стоит грубить феям

Глава 1

Вы когда-нибудь убегали из ресторана?

Ну, как ресторана — так, кафешка с закосом под итальянский романтик, где пиццу подают на деревянных досках, а официанты говорят с акцентом, хотя родились в ближайшем Подмоскovie. Знаете, такое место с бешеными ценами и порциями с ладонь, куда приходят не поесть, а похвастаться размером своего кошелька. Вот из такого я и линиял.

Летел как реактивный самолёт, петляя между столиками, сшибая локтями бокалы тёток с натянутыми лицами и надутыми губами — и, наконец, выскочил на улицу под изумлённые взгляды курящей у входа парочки. За спиной остались недоеденный тирамису, счёт на восемь тысяч и тощий нерасторопный официант.

Хотя, давайте по порядку.

Минут пятнадцать назад я сидел за круглым столиком напротив неё — красивой, яркой, немного странноватой Лолы — и вещал свою коронную речь. Ту самую, которая работала безотказно последние лет пять.

— Слушай, между нами всё было круто, но, знаешь, — я театрально вздохнул, — я не готов к серьёзным отношениям.

Моя личная классика. Просто, эффективно, без лишней драмы. Обычно девушки обижались, иногда плакали, но потом успокаивались и мы мирно расходились. Ну, более-менее мирно.

Лола не плакала.

Она замерла с бокалом вина в руке, и я вдруг заметил, что воздух вокруг неё как будто задрожал. Свечи на столе заплясали, хотя окна были закрыты. А её глаза... Господи, её глаза! Они явно вспыхнули яркими ядовито-зелёными огоньками.

— Не готов? — переспросила она очень тихо. — После того, как я потратила на тебя два месяца?

— Ну... это же было взаимно, — попытался улыбнуться я. — Мы хорошо провели время, правда ведь?

Она сжала бокал так, что по стеклу побежали трещины, а потом... потом со всего размаху запустила его мне в голову.

Я ловко увернулся — рефлекс, знаете ли, неплохие — и бокал разлетелся о спинку стула. Вино брызнуло на соседний столик. Какая-то дама взвизгнула.

— Лола! Ты офигела?!

Но она уже встала и, схватив сумочку, направлялась к выходу. Я метнулся следом — не потому что хотел извиниться или остановить, а потому что она не заплатила. Восемь тысяч на дороге не валяются, знаете ли. Восемь тысяч! И это за салат, пасту и два бокала вина!

— Лола, погоди! Давай хотя бы по-человечески...

Она обернулась прямо у выхода. Ресторан затих. Все смотрели на нас — официанты, посетители, даже повар высунулся из кухни.

— По-человечески? — её голос звенел, как разбитое стекло. — Теперь ты хочешь по-человечески, Глеб?

Я открыл рот, но так и не сумел сказать ни слова. Что-то явно было не так. Совсем не так. Потому что волосы Лолы развевались, хотя никакого ветра не было. Потому что в воздухе вдруг

запахло озоном, как перед грозой. Потому что свет в люстрах замигал, а несколько лампочек отчаянно зашипели и разлетелись.

— А ты умеешь быть человеком, Глеб? Настоящим человеком? Тем, кто знает, что такое любовь?

— Ты того... — я попятился. — Может, успокоимся? Выпьем водички.

— Настоящая любовь, Глеб, — она шагнула ко мне, и я мог бы поклясться, что пол под её ногами затрещал. — Ты вообще знаешь, что это такое?

— Ну... — я пожал плечами, — это... короче, когда... эмоции, там, чувства... всякие.

— Всякие? — в её голосе звучало презрение. — Ты даже не можешь нормально сформулировать. Потому что ты никогда никого не любил. Только использовал и бросал. Ведь так, Глеб?

— Слушай, ну чего ты мне лечишь? — огрызнулся я. — Я тебе не обморочная барышня, воспитанная на любовных романах. Я реалист. И, в конце концов, я не виноват, что девчонки сами вешаются на меня! Да, я не принц на белом коне, но и ты, знаешь ли, не восемнадцатилетняя маркиза. За ручку при луне и всё такое — ерунда полная. Не бывает так. Деньги, секс и покататься на крутой тачиле, чтобы подружки завидовали, — всё! Нахрен кому твоя любовь сдалась.

Накрашенное лицо Лолы расплылось в широкой злой улыбочке.

— Не бывает, говоришь? — процедила она сквозь зубы. — А давай проверим.

— погоди! — меня вдруг накрыло нехорошее предчувствие. — Что ты имеешь в виду?!

— Ну, — она пожала плечами, — ты сам это предложил. Увидимся в новолуние, милый.

— Что предложил? Какое новолуние?

Вместо ответа она хищно подмигнула мне и... исчезла! В прямом смысле!

— Лола? — нервно зашептал я. — Лола, ты где? Какого...

Но её нигде не было. Она просто растворилась в воздухе, оставив лёгкий запах жасмина и полный ресторан ошарашенных свидетелей.

Я стоял, тупо таращась в пустоту, а вокруг поднимался гул. Кто-то тыкал в телефон. Кто-то смеялся. Кто-то охал.

Я медленно дополз до брошенного столика и плюхнулся на стул. Нет, конечно, за свои двадцать восемь я видел многое. Но чтобы люди исчезали вот так...

Писклявый мужской голос вернул сознание в реальность. Дохловатый официант тряс меня за плечо и настойчиво совал в нос какую-то бумажку:

— Ваш счёт, — вещал он. — Мы добавили штраф за разбитый бокал. Как будете оплачивать? Карта или наличные?

Я поднял на него глаза:

— Что? А, да. Сейчас, — я сделал вид, что полез в карман и тут же рванул с места, с грохотом уронив стул. Тощий что-то верещал мне вслед, но я не слушал.

Вот так я и оказался на улице.

Минут через десять я, задыхаясь, остановился. Вроде, погоня отстала — никто не бежал за мной с требованием восьми тысяч. Я прислонился к стене какого-то дома, пытаюсь отдышаться и понять, что, мать его, только что произошло.

Разве люди исчезают просто так? Нет, бред. Галлюцинация. Может, мне что-то подмешали в вино? Или у меня приступ чего-нибудь? Опухоль мозга? Говорят, перед смертью бывают странные видения... да нет, фигня всё это.

— М-да, — пробормотал я, выпрямляясь. — Придурковатая, однако, баба попалась, — и двинулся дальше по тротуару.

Вокруг меня кишел народ. Ночной город, огни, машины. Всё как обычно. Никакой магии, никаких исчезновений. Я шёл, глядя себе под ноги, и старался не думать о том, как Лола растворилась в воздухе.

А потом увидел изящные ножки в тонких капроновых колготочках, семенящие мне навстречу на высоких каблукках. Я скользнул взглядом вверх — стройная фигурка, узкая талия, аппетитная грудь в глубоком вырезе. Красота!

— Привет, малышка, — выдал я на автомате, лучезарно улыбаясь. — И не страшно такой красавице одной гулять по ночам?

Девушка остановилась.

— Простите, вы мне?

— Конечно, тебе, кисуня, — я не отрывал взгляда от её декольте. — Разве ты видишь здесь кого-то прекраснее тебя?

Она смущённо сжала свои ладошки, а я наконец посмотрел ей в лицо — и чуть не упал. Лола!

Передо мной стояла Лола. Те же зелёные глаза, те же острые скулы, тот же изгиб губ.

— Что за... — я отшатнулся.

— С вами всё в порядке? — девушка нахмурилась, пристально разглядывая меня. — Вы так побледнели. У вас, наверное, сахар упал? Сейчас, минуточку. У меня где-то был батончик...

Она полезла в сумочку, а я попятился, не в силах оторвать взгляд от её лица.

— Нет! — выпалил я. — Не надо. У меня ничего не упало. У меня всё стоит. То есть, это... В смысле... Я обознался! Да, точно обознался!

Я поспешно ретировался, и решился обернуться только метров через двадцать. Девушка стояла на том же месте, недоумённо глядя мне вслед. Обычная симпатичная брюнетка с круглым лицом. Ни намёка на сходство с Лолой.

— Всё, — сказал я вслух и тряхнул чёлкой. — Надо выпастись. Это всё от усталости. Или от стресса. Среди ночи всякие припадочные мерещатся...

Я сделал несколько шагов и замер.

Навстречу шла пышнотелая девушка в красном пальто с лицом Лолы! За ней — блондинка с пакетами. Лицо — Лолино.

Я в панике завертел головой. Из подъезда вышла женщина с собакой — особа средних лет в спортивном костюме и Лолиным лицом.

— Что за фигня?! — взвизгнул я.

Я крутился на месте, всматриваясь в каждую физиономию. Все, абсолютно все женщины вокруг были Лолами. Молодые, старые, полные, худые — не важно. Одно и то же лицо, скопированное бесконечное количество раз.

— Нет, нет, нет...

Прохожие начали показывать на меня пальцем. Кто-то отходил в сторону, кто-то снимал на телефон. Я метался по тротуару, хватал женщин за рукава, требовал от них объяснений. Несколько раз чуть не схлопотал в челюсть.

Лола. Лола. Лола. Лола. Везде — только Лола!

— Это сон, — бормотал я. — Просто сон. Плохой сон. Сейчас я проснусь. Сейчас всё пройдёт...

В висках застучало. Перед глазами поплыли круги. Земля качнулась под ногами. Последнее, что я увидел перед падением — десятки Лолиных лиц, склонившихся надо мной. Все они улыбались одинаково широкой злой улыбкой.

А потом стало темно. Кажется, всего на мгновение, но когда я открыл глаза, то понял — странности не закончились.

Во-первых, вместо ночного неба надо мной был потолок. Очень странный потолок из гладкого желтоватого дерева, украшенный тонким резным узором. Видимо, дорогой. Даже, очень дорогой.

Во-вторых, запах. Вокруг пахло какими-то сладкими цветами и свежестью скошенной травы. В моей квартире так пахло, примерно, никогда.

И, наконец, петух. Откуда-то с улицы, совсем близко, орал петух! Бедолага верещал так, будто его резали.

— Что за дерьмовые приколы? — простонал я, пытаюсь подняться. — Эй, кто-нибудь! Пристрелите уже птичку, чтоб не мучилась.

Никто не ответил. Петух продолжал свою симфонию.

Я сел, потёр лоб, зевнул, посмотрел по сторонам — и замер.

Комната совсем не походила на мою спальню. Она была огромной, как танцевальный зал. Балдахин над кроватью, гобелены на стенах, резная мебель, какие-то статуэтки. Всё это выглядело так, будто я попал на съёмки исторического фильма или в музей.

— Что-то я не помню, чтобы делал ремонт, — пробормотал я, сбрасывая ноги с кровати. — Я что? Не дома?

Сердце забилося быстрее.

— Где я, чёрт возьми? Как я сюда попал? Ни хрена не помню!

Я осторожно встал с кровати — и офигел ещё больше. На мне... мать твою! Прямо на мне напялена тонкая, кружевная, женская сорочка. Или как она там правильно называется?

— А вот сейчас я вообще не понял! — скривился я, оттягивая прохладную ткань пальцами. — Это что за ролевые игры такие?!

Я хотел было сдёрнуть её через голову и отправить куда подальше, но тут мой взгляд скользнул чуть выше — под кружевом угадывался вполне недвусмысленный абрис. Точнее, два абриса.

Я медленно положил на них дрожащие ладони. Упруго, мягко и до ужаса реалистично.

— Что за хрень? — выдохнул я. Снова сжал выпуклости, потому что мозг отказывался верить и требовал дополнительных доказательств.

Доказательства подтвердились.

— Нет! — руки отдёргнулись, как от удара током. — Нет, нет, нет!

Мысли бились о черепную коробку: не может быть! Такого просто не может быть! Но это факт!

Я стоял посреди незнакомой комнаты в женской ночной сорочке и с... сиськами! С настоящей женской грудью! Которая была моей. То есть не моей. То есть...

Я оглядел комнату лихорадочным взглядом и увидел зеркало. Большое зеркало в полный рост, в резной золочёной раме. Оно стояло у стены, издевательски поблескивая серебристой поверхностью.

Я приблизился к нему на ватных ногах, заглянул в отражение — и заорал.

Из зеркала на меня смотрела девушка. Молоденькая, хрупкая блондиночка с огромными голубыми глазами и кукольным личиком.

— АААААААА!!!



Дверь распахнулась, и в комнату влетела смуглая девчонка лет двадцати шести в длинной старомодной юбке и непонятной кофточке с тазом воды в руках. Я резко замолчал, в ужасе уставившись на неё.

— Святые небеса! — задыхалась она. — Госпожа, что случилось?!

Она на ходу швырнула таз на тумбочку, расплескав воду, и подбежала ко мне. Осмотрела со всех сторон, будто я сейчас развалюсь на части.

— Ох! Мне не следовало покидать вас ни на одну секунду! — причитала девушка. — Как я могла оставить столь нежный цветочек в одиночестве?! Пресвятая Дева, прости мне мои прегрешения! Миледи, вы напуганы? Кто посмел потревожить вас?

Я смотрел на неё, не моргая:

— Ты ещё что за городская сумасшедшая? — выдал я наконец. — Что здесь, мать вашу, вообще происходит?!

Девушка отпрянула, как будто я её ударил.

— Госпожа Шарлотта, что с вами? — прошептала она, и в глазах её читался неподдельный ужас. — Какие грязные непотребства вылетают из вашего премилого ротика! Отец небесный, защити нас! Миледи, мне кажется вы не в себе.

— Кажется?! — нервно хихикнул я. — Тебе это всего лишь кажется?! Ясен пень, я не в себе! Ты что не видишь, что я девка?! Мелкая, тощая, белобрысая девка! Я ещё как не в себе! И что за кружевное дерьмо на мне надето?! Где мои вещи?!

Девушка не ответила и почему-то начала креститься. При этом она смотрела на меня с таким недоумением, будто я говорил на китайском.

А потом я услышал шаги. Тяжёлые и грузные, они явно поднимались по лестнице где-то за дверью.

— О, нет! — странная особа побледнела ещё больше. — Это милорд Лукасц!

— Кто?

— Маркиз Лукасц. Должно быть он слышал ваш крик, — она схватила меня за руку. — Что же делать?! Госпожа Шарлотта, молю вас, оставьте свои шалости! Постарайтесь держать себя в руках!

— Что? — я вырвал руку. — Новая партия умалишённых подъехала?

— Тише, тише, Миледи!

И тут дверь распахнулась с таким грохотом, что я подпрыгнул.

В комнату ввалился грузный седой мужик лет шестидесяти. Он опирался на блестящую резную трость, а его обрюзгшее тело было затянато в расшитый золотом камзол, на каждом пальце — по кольцу с огромными булыжниками драгоценных камней. Ну как из фильма про средневековые сбегал старикашка, ей богу!

Он остановился и упёр в меня сердитый взгляд.



— Это ещё что за Шрек в брюликах? — прошептал я девушке на ухо. — Скажи честно, у вас тут парад фриков?

Она зашипела, призывая меня замолчать. А Шрек начал расхаживать по комнате, нарочито громко стуча тростью об пол.

— Что? — чеканил он. — Что мы видим? Солнце уже высоко, с минуты на минуту нас почтит своим визитом герцог Милош, а наша дочь всё ещё не одета?!

Дочь? Герцог Милош? Что за фигню он несёт?

— И что? — продолжал толстяк. — Мы спрашиваем, что за омерзительный звук отвлёт нас от утреннего чтения? Между прочим, мы наслаждались балладой о... Как же его? О! Врата адовы! Кажется... нет... А может... Нет-нет, точно не этот...

Я склонился к девушке:

— Пс-с, как тебя там?

— Вайорика, Миледи, — еле слышно ответила она, не отрывая взгляда от расхаживающего туда-сюда дядьки.

— Как? Хотя, пофигу, — махнул рукой я. — Слушай, судя по напонтванности, этот забывчивый клоун у вас главный, да? Скажи честно, вы сектанты? Какие-то староверы, или типа того? Вы похитили моё тело и теперь будете шантажировать, да?

— Миледи Шарлотта, — зашипела Вайорика, — верно разум ваш помутнился от волнения! Ваша шутка совсем не кажется мне смешной. Я, Вайорика, ваша верная служанка, сыз-

мальства знаю вашу кротость, а потому вам не удастся обмануть меня нарочито плебейскими манерами. И лучше не гневите вашего батюшку, стойте смирно!

— Кого? — я вытаращился на неё. — Какого ещё батюшку? Мой батя срулил, когда мне было три!

Маркиз резко развернулся и ткнул в меня тростью.

— Какая, Святые угодники, я повторяю, какая неимоверная, нестерпимая, откровенная и жестокая наглость! — гремел он. — Мы пытаемся вспомнить, о чем были те прекрасные строки, а наша дочь, маркиза Шарлотта Агнесса Люция Евандилина Виктория, дерзят нам!

— А чего на меня-то тогда тыкать своей клюшкой? — огрызнулся я. — Вот им и выска-
зывай, чего ты там вспоминал.

Толстый пошёл багровыми пятнами.

— Что?! Верно уши наши подводят нас!

— О, дедуль, в твоём возрасте это бывает, — я попытался успокоить его, и даже улыбнулся. — Ты бы сходил, проверился — диспансеризация, все дела. Ты не затягивай.

— О, нет! Нет, нет! — маркиз начал размахивать тростью. — Отец Кристофер предупреждал меня об этом, а мы... О, наивная простота! Как мы надеялись, что сия чаша минует дом наш. Но нет! Люцифер коварен! Он хочет заполучить лучшее, что есть в этом бренном мире — невинную душу нашей единственной дочери и наследницы!

— Да ладно тебе, старый, так убиваться, — я постарался изобразить сочувствие. — Всё образуется.

— Вайорика! — рявкнул маркиз. — Неси кожаные плети и святую воду. Да вели Пётру раскалить докрасна три железных прута. Мы не позволим адову отродью заполучить нашу малышку. А ты, несчастная наша дочь, молись! Молись о спасении души своей, пока демоны окончательно не лишили тебя рассудка!

Глава 2

Меня прошиб холодный пот. Плети? Раскалённые пруты?

— Но, Милорд... — начала было Вайорика.

— Никаких возражений! Промедление — подобно смерти! Ну? Что же ты стоишь, девица? Быстро!

Вайорика неуверенно шагнула к двери, но я схватил её за рукав.

— Так, стопэ! — мой мозг работал на бешеных оборотах. — Кажется, до меня начало доходить. Вы тут проводите исследования манипуляции сознанием на людях, да? И чтобы всё было шито-крыто, вы пытаетесь меня убедить, что я какая-то маркиза Шарлотта? Ты, якобы, моя нянька, а этот кровожадный упырь — мой помешанный на чертях папаша. Пока ход мыслей верный?

— Вайорика, не медли! — гремел маркиз. — Ты что? Не видишь, что время на исходе?

С улицы раздался громкий мужской крик:

— Едут! Едут!

Толстый подпрыгнул.

— Святые угодники! Мы опоздали! Это герцог!

— Герцог? — переспросила Вайорика.

— Герцог? — эхом повторил я. — Что ещё за герцог?

— Ох, что же нам делать? Как же нам поступить? — маркиз метался по комнате. — Нет, мы не можем отказать герцогу в аудиенции — позор уничтожит нашу семью! Но Шарлотта... А может... Нет...

— Милорд, позвольте мне вразумить юную госпожу, — быстро сказала Вайорика. — Клянусь вам честью, через пару мгновений к Миледи вернётся разум.

Маркиз посмотрел на неё с сомнением:

— Мы не знаем...

— Не сомневайтесь, Милорд. Честь семьи Лукасц — самое важное в моей никчёмной жизни. Я уверяю вас, всё будет хорошо.

— Но, может, мы всё же испробуем калёное железо на всякий случай?

— Нет, нет, Милорд. Это лишнее. Я сама управлюсь.

Маркиз задумался, причмокивая.

— О, спасибо тебе женщина с непроизносимым именем, — прошептал я Вайорике на ухо. — Дай этому вурдалаку волю — он бы меня запросто поджарил на костре! И куда только у вас смотрят органы опеки?

— Тише, тише, а то милорд услышит вас!

— Ладно, — наконец произнёс мой новоявленный папаша. — Будь по-твоему, Вайорика. Мы обязаны оказать герцогу радушный приём. Но предупреждаю тебя, если Шарлотта... Ах, нам даже страшно подумать об этом!

Вайорика взяла его под рыхлый локоть и повела к двери.

— Не думайте, Милорд. Святые Небеса не отверзнут свой взор от госпожи. Я знаю, я уверена! Чистота души Миледи Шарлотты рассеет все дьявольские замыслы.

— Но...

— Должно быть герцог уже прибыл к дому, — ловко перебила его служанка. — Не почувствует ли он наше невнимание, если вы лично не встретите его, Милорд?

— Да, да, конечно! Забота о герцоге — это честь для каждого его подданного! Мы потопимся к его Светлости, а ты — не спускай глаз с Шарлотты! И чтобы через пять минут вы обе были в саду, кроткие и приветливые, иначе мы за себя не ручаемся!

— Конечно, Милорд. Несомненно, Милорд.

Вайорика медленно закрыла дверь и шумно выдохнула.

— Фух! Получилось! Но нельзя терять ни минуты!

Она подошла к огромному платяному шкафу и наполовину исчезла в его недрах.

— В каком смысле? — осторожно спросил я. — Мы что? Устроим побег?

— О чём вы говорите, госпожа? — донёсся из шкафа её голос. — Мы устроим отличную помолвку!

— Помолвку? А кто женится?

Вайорика на минуту высунулась из шкафа, держа в руках какое-то пышное платье.

— Ну всё, Миледи, хватит шутить. Ваш жених уже на пороге, а вы ещё в ночной рубашке.

Я уставился на неё:

— Жених?!

Она недовольно цокнула, а минут через пятнадцать я уже стоял, уперевшись руками в стенки платяного шкафа, на дверях которого висело пышное платье цвета жгучего изумруда. К этому времени на моей голове Вайорика соорудила кудрявую «вавилонскую башню» с понатыканными в волосы цветочками — тяжеленную и жутко неудобную. Но даже это не было самым стрёмным... Никогда, господи, никогда я не думал, что позволю натянуть на себя корсет! Жёсткий, убийственно удушающий корсет!

Вайорика стояла сзади и с усилием затягивала шнурки. Кажется, я слышал хруст собственных рёбер.



— А нельзя делать это нежнее, а? — взвизгнул я в очередной раз.

Она, молча, снисходительно улыбнулась.

— И как ты уговорила меня на этот позор?!

— А я и не уговаривала, — невозмутимо ответила Вайорика, дёргая шнурки. — Просто напомнила вам, что если мы в ближайшее время не выйдем к герцогу, калёным железом дело не ограничится.

— Шантажистка! — насупился я. — Ты хотя бы слышала о правах человека? Гаагской конвенции?

— Нет.

— Ну да, и зачем я спрашиваю? И так понятно, что у вас здесь сумасшедший дом на колёсиках. Вопрос только в том, как я сюда попал?

— Какой странный вопрос! Вы родились здесь, разумеется. Вы Шарлотта Агнесса Люция Евандилина Виктория, урождённая маркиза Лукасц. Прекраснейший цветок всего Восточного Побережья и единственная дочь богатейшего вельможи в стране. А ещё вам выпала удача стать невестой нашего славного повелителя, герцога Милоша. Готово!

Она ловко завязала шнурки корсета и отошла на шаг, оценивая свою работу.

Я неохотно повернулся к ней, тщетно пытаясь вздохнуть.

— Да уж, свезло, так свезло...

Вайорика сняла платье с дверцы шкафа и жестом показала, что пора его надевать. Я обречённо повиновался.

— А он хоть нормальный? — спросил я, пока она возилась со складками моего наряда.

— В смысле, это у нас с ним взаимно или опять ваши феодально-принудительные штучки?

— Конечно! — Вайорика расправляла рюшки на моих плечах. — Ваша любовь достойна того, чтобы потомки воспели её в балладах!

— Ну это вообще зашибись! — пробормотал я с кислым лицом.

Вайорика отошла на несколько шагов и заворожённо посмотрела на меня.

— Герцог Милош два года ждал вашего совершеннолетия. А ну-ка, покружитесь. Великолепно! Чтобы сделать вам предложение руки и сердца. Сделайте-ка пару шагов. Восхитительно! А вы — считали минуты до этого события, и вот — этот день настал!

— Как трогательно, — монотонно сказал я. — Я просто в восторге...

— Я разделяю ваши чувства, Миледи! — Вайорика светилась от неподдельной радости. — Мы все, все ждали этого дня! Такая честь! У меня не хватает слов, чтобы выразить всё, что у меня на сердце!

— Согласен, — буркнул я под нос. — Лучше бы ты молчала. От этой информации мне стало как-то совсем не по себе.

Вайорика взяла меня за руку и с искренним участием посмотрела в глаза.

— Не волнуйтесь, Миледи. Я буду рядом. Всё пройдёт хорошо. Вы обязательно понравитесь вдовствующей герцогине.

Я насторожился. Новости о новых действующих лицах параноидального спектакля оптимизма не прибавляли.

— Кому? Об этом меня не предупреждали!

— Вдовствующая герцогиня — матушка герцога Милоша, Её Светлость Госпожа Донка. Без её согласия ваш брак с герцогом невозможен.

В груди что-то ёкнуло. Не знаю, моя это была грудь или Шарлотты, но ёкнуло конкретно.

— Опа, вот кино хорошее! — я попытался изобразить беззаботность. — А если я ей не понравлюсь? Отменяют свадьбу?

— Боюсь, что этим дело не ограничится, — спокойно сказала служанка. — Ваш род покроется страшным позором. Но не переживайте, ваша публичная казнь сможет загладить сей неприятный момент.

— Всего-то? А я уж подумал... — и тут меня как током ударило. — Стоп! Ты сказала — казнь?! Моя казнь?! Это, когда виселица, палач и все дела?

— Нет, нет! — умиротворяющим голосом пропела Вайорика. — Для вас будет плаха и острозаточенный топор. Одно мгновение — вжик — и ваша голова отделена от тела.

— Это ты меня сейчас пыталась успокоить? — брякнул я. — Знаешь, хреновый из тебя успокаиватель.

Вайорика виновато улыбнулась.

Я глубоко вздохнул — настолько глубоко, насколько позволял идиотский корсет:

— Ладно, — я повернулся к зеркалу. Симпатичная блондинка в роскошном платье смотрела на меня испуганными голубыми глазами. — Думаю, до этого дело не дойдёт. Ну кому может не понравиться такая милаха, верно?

Служанка ничего не ответила, и почему-то отвела взгляд. По моей спине поползли мерзкие мурашки.

Минут через десять мы вышли из дома.

Сад поместья Лукасц оказался таким же помпезным, как и его владелец-маркиз. Ухоженные дорожки, фонтаны, какие-то статуи, раскидистые деревья, усыпанные цветами и крупными фруктами, — всё по высшему разряду. Вполне уютненько, если бы не жара... А солнышко шпарило конкретно. Да ещё и отстойный корсет впивался в тело железной хваткой, платье липло к телу, а причёска на моей голове весила, наверное, килограмма три.

Вайорика вела меня к беседке, где уже собралась внушительная компания. Я разглядел маркиза Лукасца, прячущегося в тени и пытящего от зноя в своём тяжёлом наряде, несколько слуг, суетсяющихся вокруг, и ещё двоих разряженных господ — женщину средних лет и какого-то мальчика.

На женщине было тёмное платье и массивное ожерелье, слепящее глаза. Она стояла прямо, как кол, и смотрела в мою сторону так, как будто хотела испепелить. Рядом с ней — молодой парень лет девятнадцати с мечтательным выражением лица и улыбкой влюблённого идиота.



Вайорика шепнула мне на ухо:

— Помните, Миледи: учтивость, скромность и ни одного лишнего слова. Приветствуйте её Сиятельство Герцогиню Донку только поклоном.

— Ага, — пробормотал я. — Постараюсь. Хотя, я же красотка, а красотки и старухам нравятся.

Мы подошли ближе. Женщина продолжала сверлить меня острыми зрачками, а когда я выдал корявый реверанс, фыркнула с таким пренебрежением, что даже меня передёрнуло.

— Ну-у, — глупо улыбнулся я служанке. — Может я и ошибался.

Глаза герцогини сузились.

— Вы что-то изволили сказать, миледи?

Я растерянно закусил губу. Вайорика тут же закрыла меня собой и, мило прошептала:

— Что вы, госпожа! Миледи Шарлотта никогда не посмеет раскрыть рта без вашего решения.

Донка надменно цокнула языком и отвернулась.

— Зато у её служанки слишком длинный язык. На месте маркиза я бы давно укоротила его!

Она бросила испытывающий взгляд на отца Шарлотты, который стоял в стороне, обмахиваясь крохотным платочком. Маркиз заметил взгляд герцогини и попытался сделать учтивый поклон — и из его кармана выпало надкусанное яблоко. Он смущённо заулыбался и попытался откинуть яблоко ногой, чем привлёк к себе ещё больше ядовитого внимания.

Донка фыркнула и открыла рот, чтобы выдать очередную гадость, но юный спутник, вдруг нежно обнял женщину за колючие плечи и поцеловал её в лоб.

— Фу! — вырвалось у меня.

Донка мгновенно смягчилась и посмотрела на паренька бесконечно любящими глазами.

— Ах, матушка, — пропел он. — Не правда ли, какой сегодня чудесный день?

Я склонился к Вайорике:

— Отвратное зрелище, да? — прошептал я громко. — Или парнишка думает, что после его поцелуйчиков старая жаба превратится в сексапильную принцесску?

Вайорика силилась сохранить спокойствие, но не сдержалась и прыснула смехом.

— Миледи, нельзя шутить над герцогом Милошем и его матушкой, — она пыталась сказать это серьёзно, но вышло не очень.

— Да ладно тебе! — обрадовался я. — Сча она опять заквакает и всё будет в норме.

— Миледи, прекратите, — булькала Вайорика. — Это так неучтиво.

Донка медленно повернулась к нам и с прищуром посмотрела сначала на меня, потом на давящуюся смехом Вайорику:

— Что-то я не заметила, — начала герцогиня ледяным тоном, — чтобы кто-то из господ изрёк потешную историю. Так отчего же ваша служанка пухнет от смеха?

Я скрестил руки на груди.

— А чего такого-то? Какие-то проблемы? Ну захотелось человеку поржать немного, имеет право! Хочешь, тоже прикольнись, а то серьёзная, прям, куда деваться.

— Прикольнуться?! Я?! Что вы имеете в виду?! — Донка побагровела. — Извольте объяснить!

В разговор ворвался вспотевший и разнервничавшийся маркиз Лукасц.

— Ваша Светлость, Шарлотта сегодня не в себе. Дурные шалости, глупость молодости... Женщина стрельнула глазами.

— Это я поняла. А со служанкой-то что?

— Но, мы имели в виду, что...

— Чего?! — взорвался я. — Эта старая швабра назвала меня дебилкой? Папаня, в сторону!

Я рукой отодвинул маркиза и вплотную подошёл к герцогине. Мы стояли нос к носу, как бойцы перед дуэлью. Я видел, как её ноздри раздуваются от ярости. А мне было плевать. Будь что будет — хрен с вашими плетью, железом и даже топором — но для начала я как следует начищу эту наглую морду.



— Я впечатлён, — незнакомый голос прозвучал так близко, что я вздрогнул. На секунду мне показалось, что за моим плечом материализовался ведущий какого-нибудь ночного шоу для взрослых.

Обладатель бархатного баритона мягко вплыл в поле моего зрения и оказался статным мужчиной чуть за тридцать, темноволосым, с глазами цвета горького шоколада и улыбкой, от которой у любой девчонки поплыли бы мозги. Эдакий роковой Дон Жуан смотрел на меня с дерзким интересом.

— Я ожидал увидеть наивного котёнка, — продолжил он, не отрывая взгляда, — а повстречал настоящую тигрицу.

Он взял мою руку и уверенно поднёс к губам:

— Моё почтение, Миледи.

Донка недовольно притопнула и, схватив Милоша под локоть, отошла на пару шагов, бормоча что-то про распутство и дурное влияние.

Я резко одёрнул руку и вытер её об платье, размазывая следы этого слюнявого ловеласа. На ткани быстро расплзлась тёмная клякса.

— Фу, — пробормотал я.

К чернявому тут же подлетел маркиз Лукасц. Схватил его запястье обеими пухлыми ладошками и начал трясти, причитая на весь сад:

— Ах, господин Шандор! Какая честь! Дядюшка герцога, собственной персоной, и в нашем скромном жилище! — Он задышался от восторга. — Какая честь для нас! Когда вы изволили приехать?

Шандор с лёгкой брезгливостью освободил свою руку из мёртвой хватки маркиза.

— Только что, маркиз, — в его голосе не переставала играть лёгкая, едва уловимая усмешка. — Хотел повидать сестрицу и племянника.

— Неужели ты вспомнил, что у тебя есть семья, Шандор? — каждое слово Донка пропитывала желчью. — Или ты опять спустил всё до последнего злого на очередную девицу?

Вот это я понимаю — семейные посиделки. Сразу видно, что царствующие особы любят друг друга, ценят и понимают. Просто идиллия.

— Ну что ты, матушка! — Милош поспешил вмешаться, улыбаясь так, будто пытался погасить назревающий скандал силой своего обаяния. — Дядюшка Шандор — всегда желанный гость в нашем кругу. Прости, дядя. Я так рад снова видеть тебя!

Юный герцог подошёл к Шандору и по-детски радушно повис на его шее. Шандор отстранился почти сразу, и только снисходительно похлопал паренька по плечу:

— Пустяки, мой мальчик. Я уже давно привык к ядовитым речам Донки. Печально видеть, что с годами её спесь берёт верх над благоразумием.

В этот раз я еле сдержался, чтобы не аплодировать чернявому: лихо он приложил её. Прямо-таки пригвоздил к позорному столбу, точно в лоб и при всех.

Донка театрально отвернулась, изображая из себя оскорблённую невинность. Милош виновато улыбнулся, переводя взгляд с матери на дядю и обратно. Маркиз Лукасц стыдливо устался в землю, явно не желая ввязываться в разборки.

Я толкнул локтем Вайорику, которая стояла рядом с видом обескураженного манекена:

— Слышь, — прошептал я ей на ухо. — Черныш-то дело говорит. Хоть один адекват в вашей придурковатой компании. Видать, нормальный мужик, хоть и слюнявый.

Вайорика ахнула и наклонилась ко мне, понизив голос до едва слышного шёпота:

— Ах, Миледи! — В её глазах читался неподдельный ужас. — Я бы не стала так слепо доверять господину Шандору. Дурные слухи ходят о нём в округе. Поговаривают, что он колдун! Да-да!

Она оглянулась по сторонам, убеждаясь, что никто не слышит, и продолжила ещё тише:

— Стыдно о таком говорить, но я слышала, что он накладывает любовные чары на непорочных девиц, а потом пользуется их беспомощностью! Представляете?!

Я едва сдержал смешок.

— Пфф! — махнул рукой. — Наивная простота. Тоже мне колдун! Я и сам так колдовать умею. Подарил там какую-нибудь блестящую фигию, пару раз в ресторанчик сводил — и вуаля! Магия секса свершилась. А ты говоришь — колдун.

Вайорика покраснела до корней волос:

— Миледи!

— И о чём так увлечённо шепчутся наши голубки?

Я снова вздрогнул. Шандор стоял прямо перед нами, с той же самой улыбкой книжного соблазнителя. Милош маячил рядом, глядя на меня с обожанием.

Вайорика смущённо зарделась, явно польщённая вниманием такого высокого вельможи, а я только обречённо закатил глаза.

И тут я заметил, как Донка смотрит на меня. Не просто смотрит — сверлит взглядом, полным жгучей ненависти. Её губы шевельнулись, беззвучно выговаривая что-то, и я бы отдал руку на отсечение, что это было проклятие. А потом она улыбнулась. От этой дьявольской улыбки мне захотелось бежать, бежать куда угодно и сломя голову. Желательно, конечно, в своё тело, хотя в такой ситуации я был согласен на любой тёмный уголок.

Но было уже поздно.

Глава 3

Я явно опоздал с побегом, потому что Милош протянул мне руку и благоговейно отвёл в сторону. Кажется, он боялся даже громко дышать в моём присутствии, однако ж место для уединения выбрал вполне толково: массивная колонна расфуфыренной беседки оказалась ровно за моей спиной, а по обе стороны от неё отходу мешали цветущие заросли розовых кустов. Другими словами, остался я с герцогом один на один. Вот чёрт...



Я бросил полный надежды взгляд на Вайорику, но она, как школьница, хихикала от ворований Шандора и, видимо, вообще забыла о моём существовании.

И тут герцог заговорил:

— Любезная моя Шарлотта, — произнёс Милош с придыханием. — Я безмерно рад вновь видеть вас!

— Чего? — скосился на него я. — Любезная? Ты серьёзно? Мы, вроде как, женимся, а ты со мной как с налоговой разговариваешь.

Милош растерянno заморгал.

— С... кем?

— Забей, — я махнул рукой.

— Забить? Вы желаете откусать свежего мяса? Только скажите, и я немедленно прикажу забить лучшего кабана со скотного двора герцогского замка. Или, быть может, вы желаете крольчатины?

Я хлопнул себя по лбу и замотал головой:

— Ну чего ты к словам привязываешься, а? Я тебе про красное, а ты мне про длинное. Ладно, давай с другой стороны зайдём. Слушай бесплатный совет от профи: хочешь понравиться девчонке — будь проще. Не надо строить из себя умника. Понимаешь?

Милош, похоже, не понимал. Его круглые глаза и вскинутые брови как-то не внушали мне уверенности в обратном. Надо было пояснить мысль, и я пояснил:

— Так, короче, объясняю для медленных. Если у неё задница, как у боженьки, или там ноги от ушей — ты так и говори, не стесняйся. А вот эта твоя «любезная», ну, такое. Так ты разве что с монашкой замутить сможешь. А оно тебе надо? Вот и я думаю, что нет.

Милош побледнел, потом покраснел, потом снова побледнел.

— П... п... простите, — замешкался он. — Вы... вы предлагаете мне изрекать... непристойности?!

— Да что ж ты такой тугой-то? Не непристойности, а комплименты! — я почесал затылок. — Хотя, знаешь что, забудь. С твоей неокрепшей детской психикой ты вряд ли справишься. Да и куда тебе? Папа — герцог, мама — герцогиня, хоть и жаба. Давай лучше...

Милош отступил на шаг, глядя на меня так, будто я предложил ему съесть живого червяка.

— Шарлотта, вы... вы такая странная сегодня, — прошептал он. — Вы... вы хорошо себя чувствуете?

Вот чёрт! Я прикусил язык. Неужели спалился? Захочешь человеку добро сделать, а он от тебя, как от чумного, шарахается...

— Я... ну... это... — в голову не приходила ни одна толковая мысль, и потому я просто стоял с идиотской улыбкой.

Слава богам, в этот неловкий момент ко мне подлетела Вайорика.

— Всё верно, Ваша Светлость! — лстиво пропела она. — Миледи сегодня необычайно взволнована. Вам ли не знать, как трепет любящего сердца дурманит голову, Сир. А ещё, — служанка состроила физиономию заправской заговорщицы, — Миледи приготовила для вас сюрприз!

Милош оживился:

— Сюрприз? — его глаза засветились детской радостью, а Вайорика утвердительно кивнула.

— Какой ещё, нахрен, сюрприз?! — прошипел я ей на ухо.

— Тот самый, — невозмутимо ответила Вайорика, не переставая улыбаться. — Который, Миледи придумала, размышляя о раскалённых прутьях.

Я скривился и с презрением к мерзкой шантажистке выговорил через губу:

— А, ну да. Теперь вспомнил. В смысле, вспомнила, конечно.

С громким пыхтением к нам подплыл маркиз Лукасц.

— Ваша Светлость! Наше сердце ликует, видя вашу нежность к нашей дочери! — он всхлипнул и вытер несуществующие слёзы платком. — Это так прекрасно!

— Любезный маркиз, прошу, не плачьте в такой радостный день! — растрогался Милош.

— Ага, — пробормотал я. — Особенно радостный для твоей мамочки.

Милош повернулся ко мне:

— Простите, что вы сказали?

— Наша Шарлотта просто не может сдержать нетерпения! — перебил маркиз, лучезарно улыбаясь. — Она так хочет порадовать вас своим сюрпризом. Не будем же заставлять Шарлотту ждать, да и обед уже стынет без нашего внимания. Давайте пройдем на веранду!

Милош просиял.

— С превеликим удовольствием!

Я обречённо выдохнул:

— А это обязательно? Может вы без меня справитесь?

— Пойдёмте, пойдёмте! — Маркиз замахал руками, подгоняя всех к веранде.

Вскоре вереница гостей оказалась немного вперёди. Я схватил Вайорику за рукав и прошипел:

— Что ещё за долбанный сюрприз? Я не собираюсь петь, плясать или устраивать стриптиз перед этим сборищем клоунов!

Вайорика молча улыбнулась и потащила меня за собой.

— Ох, ёжики зелёные, — простонал я. — Во что я вляпался?!

На моём лице была гримаса полного отчаяния, а служанка только крепче сжала мою руку, волоча меня в пугающую неизвестность.

Когда в конце очередной аллеи, украшенной голыми мраморными статуями, замаячили белые с позолотой колонны веранды, я понял, что вырываться бесполезно. А тут ещё за резной балюстрадой материализовался длинный, накрытый белоснежной скатертью, стол. И на нём — мама дорогая — чего только не было! Да он просто ломился: жареная птица, рыба знакомая и незнакомая, какие-то салаты, паштеты, фрукты, кувшины с вином, то ли блины, то ли лепёшки, и ещё много разной аппетитной всячины. Мой живот предательски заурчал. Возможно, я даже немного покраснел.

Меня усадили рядом с маркизом Лукасем. Вайорика встала за моим стулом, что немного напрягало, но, конечно, не так, как восседающая ровно напротив Донка, величественная, как злобная королева из страшной сказки. Шандор устроился сбоку, лениво откинувшись на спинку стула. Милош сел рядом с матерью и пялил на меня с таким обожанием, что хотелось спрятаться под стол.

Я не стал дожидаться приглашения и активно заработал вилкой. Еда оказалась вкусной, хотя слегка непривычной. Остальные товарищи немного повздыхали, но вскоре последовали моему примеру. Все они, как один, улыбались и были до скрежета в зубах учтивы, но в воздухе явно витало что-то тяжёлое и угрожающее.

Донка элегантно отрезала кусочек мяса, попробовала и благосклонно кивнула.

— Мой дорогой маркиз, обед исключительно хорош! — произнесла она, обращаясь к моему якобы папаше. — Яства ласкают мой взор, а наслаждение от вкуса — изумительно!

Маркиз Лукас сдержанно наклонил голову в знак уважения:

— Благодарю вас, герцогиня. Меню и сервировку подбирала Шарлотта.

Я поперхнулся куском курицы. Что? Какая ещё сервировка? Впрочем, видимо, девчонка, в которую я каким-то непонятным образом превратился — ничего такая, разбирается во всяких аристократических штучках.

Донка удивлённо подняла бровь.

— Неужели? Я приятно удивлена. Возможно, первое впечатление было обманчивым.

— Ещё бы, — пробормотал я сквозь зубы, пытаюсь прожевать ту самую курицу, а потом добавил тише: — шах и мат тебе, мерзкая старушонка.

Вайорика тут же наклонилась ко мне и укоризненно прошептала:

— Святые угодники! Миледи, вы забыли о правилах приличия? Как вы можете говорить с набитым ртом. Ваши гости будут оскорблены.

— Их проблемы, — отмахнулся я.

Донка прищурилась, глядя прямо на меня.

— Вы что-то сказали, Шарлотта? — в её голосе звенел лёд. — Кусок рыбы, выпавший из вашего рта, не дал мне расслышать ваших слов.

Я посмотрел на скатерть. Никакой откусанной рыбы рядом со мной не валялось. Да я вообще ещё не ел рыбу! Вот ведь старая ведьма, ко всему докопается, лишь бы меня унижить. Точнее не меня, а ту, обязанности которой я сейчас исполнял. Короче, невзлюбила герцогиня Шарлотту, к гадалке не ходи. Даже как-то жалко её. Ну, чисто по-человечески. Поэтому я решил, что надо было налаживать отношения, а то блондиночка рисковала так и останется без своего хлипкого принца.

Я выпрямился, изобразил на лице подобие дружелюбной улыбки и громко произнёс:

— Послушай, герцогиня, а может, выпьем чего-нибудь покрепче? Ну, как-то по-родственному что ли, а? Глядишь и общие темы для разговора появятся, — я пытался говорить максимально непринужденно. — Что там пьют тётеньки твоего возраста?

За столом воцарилась мёртвая тишина. Я решил усилить эффект.

— Да, не стесняйся ты. Я же вижу, тебе не мешает расслабиться, а то сидишь, как будто фонарный столб проглотила, компот какой-то цедишь.

Донка резко поставила бокал на стол. Красная жидкость плеснула через край.

— Что?! — заверещала она. — Не верю своим ушам!

Маркиз Лукасц подскочил на стуле и схватил меня за руку:

— Я велю высечь тебя, как дворовую девку, если ты сию секунду не образумишься! — прохрипел он тихо, а громче добавил: — Ох, как жестоко сегодня небесное светило. Шарлотта, тебе, видимо, дурно?

Я поморщился, потирая виски.

— Да как сказать... Голова после вчерашнего трещит.

— Я вижу, что рассказы о кротости и блестящем уме вашей дочери весьма преувеличены! — герцогиня метнула на маркиза такой презрительный взгляд, что тот съёжился.

— Шарлотта... — раздавленно промямлил он.

— А что сразу я? — огрызнулся я. — Это она шипит, как закипевший старый чайник.

— Уймись немедленно! — Маркиз до боли сжал мою ладонь.

Шандор, который до этого момента молча наблюдал за представлением, лениво потянулся и как бы нехотя изрёк:

— Дорогая сестрица, давай не будем делать поспешных выводов.



Маркиз тут же подхватил:

— Да-да, господин Шандор совершенно прав! — он отпустил мою руку и заулыбался так широко, что я испугался, как бы у него рожа не треснула. — Наша Шарлотта просто... растеряна! Да, вот именно! Растеряна!

Герцогиня смерила папаню взглядом.

— Растеряна? — переспросила она ледяным голосом.

— Ну конечно! — Маркиз энергично закивал, тряся всеми четырьмя подбородками. — Да и как может быть иначе в обществе стольких блистательных мужчин? Наша Шарлотта, как и положено скромной юной деве, прежде почти не общалась с мужчинами. Тем более так долго! — он вытер платком вспотевший лоб. — К тому же, сегодня так ветрено, могут слышаться разные странные звуки, не правда ли? Ветер искажает слова, знаете ли...

Милош вдруг оживился и подался вперёд:

— А может, это шалуны феи играют с нами? — произнёс он с небывало серьёзным видом.

Маркиз замер на секунду, потом фальшиво и отчаянно расхохотался.

— Ха-ха-ха! Ваша Светлость — большой шутник! Феи! Как остроумно!

Я дёрнул Вайорику за рукав:

— Это типа была шутка? А когда надо было смеяться?

Служанка схватила меня за запястье и зашипела на ухо:

— Пресвятая Дева! Миледи, ведите себя подобающе. Если вам не жалко себя — так пожалейте хотя бы маркиза! Неизвестно, что он с вами сделает после таких дерзких выходов. Сохраните честь семьи, умоляю вас.

Я посмотрел на маркиза. Тот сидел, тяжело дыша, красный, как варёный рак, и судорожно улыбался, то и дело протирая платочком рыхлые щёки и липкий лоб. Казалось, ещё немного и старика хватит удар.

— Да, — пробормотал я. — Толстяк уже на ладан дышит.

— Миледи... — Вайорика побледнела.

— Ладно, ладно, — махнул я рукой. — Буду нем как рыба.

Я выпрямился, сложил руки на коленях и постарался изобразить на лице что-то вроде благочестивой кротости. Получилось, наверное, так себе, потому что в глазах Донки появилось нескрываемое подозрение.

— Итак, — медленно произнесла мерзкая герцогиня, перекладывая вилку. — Мы понимаем, что юная госпожа... растеряна. Но позвольте задать вопрос, милорд Лукасц.

Маркиз замер, как кролик перед удавом.

— Да, Ваша Светлость?

— Ваша дочь... — Донка сделала паузу, растягивая мучительное ожидание маркиза. — Она всегда столь... экспрессивна в своих высказываниях?

— Н-нет! — заикнулся он. — То есть, да! В смысле... иногда... в кругу семьи...

— В кругу семьи, — повторила Донка. — Понятно, — она взяла бокал и сделала маленький глоток, не отрывая от меня взгляда. — Что ж, я полагаю, обещанный сюрприз, — её губы изогнулись в подобии улыбки, — не станет очередной... оказией?

Маркиз уставился на меня с немым вопросом в глазах. Я перевёл взгляд на Вайорику, а она посмотрела в потолок, явно моля всех святых о помощи.

— Сюрприз будет прекрасен! — вдруг выпалил Милош. — Я уверен. Миледи Шарлотта — обладательница прелестного сопрано. Даже ангелы замирают от восторга, едва заслышав звуки её чистого, как хрусталь, голоса.

Я поперхнулся воздухом. Сопрано? У меня?!

— Чудесно! — Шандор вальяжно махнул рукой. — Усладите же наш слух, милейшая Шарлотта.

Я вздохнул. Похоже, выхода у меня не было. Обычно, когда я пою, караоке-бар пустеет. Но сейчас я относительно трезв, может, и выйдет что-то путное.

Я встал, оглядел гостей.

— Что желает услышать почтенная публика?

— На ваш выбор, чаровница, — произнёс Шандор, не переставая улыбаться.

Я усмехнулся:

— Ну, ладно. Ты сам этого захотел, черныш!

Мне пришлось изобразить драматическую паузу, чтобы вспомнить хоть что-то. В голове крутилась какая-то дурацкая песня, которую постоянно орала моя предпоследняя девушка. Как её там... Алиса? Нет, вроде, Алёна. Хотя, без разницы.

— Пожалуй, я исполню песню госпожи... чёрт, забыл фамилию. Хотя, вы её всё равно не знаете. Ладно, погнались, — я защёлкал пальцами, пытаясь настроиться на нужный ритм. — Какие же там слова? А! Вспомнил... вспомнила.

Я откашлялся и начал петь с чрезмерным пафосом:

— Я наскоку быстрее остановлю коня! И войду в дом, объятый пламенем огня! — для усиления эффекта, я добавил махи руками, изображая что-то вроде танцевальных движений. — Твоим бла-бла я перестала доверять! Что с тобой, что без тебя — всё одинаково-о-о-о!

Вайорика пошатнулась и схватилась за спинку моего стула:

— Что с вами, госпожа? Вас свело судорогой?! — с паникой пролепетала она.

— Милая, у вас жар? — Шандор наклонился вперёд. — Вы бредите?

— Что за ужасные звуки вы извергаете?! — Донка побагровела. — И почему изволите кривляться перед нами?!

— Какой позор! — рявкнул маркиз Лукасц, хватаясь за сердце.

Я развёл руками:

— А что не так-то? Вы же сами хотели. Разве вам не нравится, как я пою и танцую!

— Вы... что?! — глаза Донки, казалось, вот-вот вывалятся на скатерть.

— Ах, мама! — Милош, сияя, вскочил с места. — Это же шарада! Шарлотта, как чудесно вы придумали развлечь нас игрой! Но я разгадал вашу загадку! Милая Шарлотта, вы желаете танцевать? Я прав?

Маркиз тут же оживился:

— Конечно! Конечно, вы правы, драгоценный герцог! Шарлотта так мечтала о танце с вами, но вы же понимаете, что правила приличия не позволяют девушке...

— Ах, не продолжайте, дорогой маркиз, — кивнул герцог, а после встал, поклонился мне и протянул руку: — Я готов! Позвольте вашу руку, красавица.

Я скривился. Пляски с холёным юнцом совсем не входили в мои планы.

Маркиз схватил меня за локоть и процедил сквозь зубы:

— Немедленно подай руку герцогу! Иначе... иначе... — он сжал пальцы с такой силой, что я чуть не взвизгнул.

— Ладно, папаша, без нервов, — примирительно сказал я. — Сейчас всё будет.

Милош сунул свою ладонь мне чуть ли ни под нос, по-щенячьи заглядывая в лицо:

— Прекрасная Шарлотта, вы осчастливите меня туром вальса?

— Эм... ну да, — я покосился на пышущего гневом маркиза, и тихо добавил: — Умел бы я ещё его плясать...

— Музыканты! — гаркнул старый. — Вальс!

Откуда-то сбоку раздалась музыка. Парнишка вывел меня из-за стола и благоговейно повёл к свободному центру веранды. Я пытался следовать за ним с достоинством, но ноги путались в платье, корсет не давал нормально дышать, а неудобные туфли скользили по полированному полу.

— Милая Шарлотта, — прошептал Милош, заливаясь краской. — Я счастлив быть так близко с вами.

— Э, пацан, — буркнул я. — Не жми меня так сильно!

Герцог тут же отстранился, хлопая испуганными глазами.

— О, тысяча извинений, нежнейшая из нежнейших! Я был так неучтив! — он покраснел ещё сильнее. — Всеми виной обуревающие меня чувства! С того момента, как я увидел вас, я не могу ни есть, ни пить!

Я быстро оценил поджарую фигуру парнишки: не похоже, что до этого он хавал, как не в себя. Балабол, короче.

— Но вы молчите... — Милош тревожно посмотрел на меня. — Я оскорбил вас своими дерзкими речами?

— Пф... Да всё в порядке.

— Правда? — он просиял. — О, я так счастлив! Тогда танцуем?

И он плавно зашагал в так музыке, слегка приобнимая меня за талию. Я постарался повторить движения, но не рассчитал и наступил ему на ногу. Потом на другую.

— Ай! — вскрикнул Милош. — Вы изволили наступить на обе мои ноги! — но вместо обиды на его лице появилось воодушевление. — Я понял ваш намёк, великолепнейшая Шарлотта! — его глаза засияли. — Неужели я смею надеяться на взаимность?!

Я закатил глаза. М-да, а парнишка-то, походу, попал. Одно из двух — либо он наглухо двинулся, либо втюрился по самые помидоры.

— Шарлотта, что же вы молчите? — в его голосе звучало отчаяние. — Ведь я... я... я безумно люблю вас!

Он попытался придвинуться ближе. Его рука сжалась на моей талии сильнее и я почувствовал, как корсет выдавливает мой желудок наружу. Вот же прилип как банный лист! Надо как-то культурно намекнуть ему, что я вообще-то натурал.

Я попытался отстраниться, но Милош оказался крепышом. Музыка играла, мы кружились, и с каждым оборотом он прижимал меня всё настойчивее.

И тогда я понял — пора действовать!

Глава 4

Всё. Терпение лопнуло.

Я резко дёрнулся и оттолкнул его обеими руками в грудь. Герцог пошатнулся, но устоял.



— Эй! — рявкнул я. — Руки убрал, Ромео недоделанный! Я не давал согласия на обижалки с каким-то дрищем!

Музыка споткнулась и замерла. В звенящей тишине набатом загремел лошадиный смех Шандора.

Милош стоял передо мной, растерянно моргая. Его челюсть медленно сползала вниз.

— Милая, я совсем не понял, что вы сказали... — он говорил очень медленно. — Это отказ или согласие?

— Коней притормози, болезный! — я с угрожающим видом шагнул ему навстречу. — А то схватишь леща по холёной физиономии!

Милош побледнел. Его губы дрогнули. На секунду мне даже стало его жалко: парнишка стоял, как побитая собака, которая не понимает, за что её наказали.

— Но ведь вы сами искали встречи со мной, — прошептал он обиженно и так тихо, что я едва расслышал. — А теперь отказываете мне на виду у всех? — герцог ненадолго замолчал. Кажется, он пытался сдержать подступающие слёзы. — Вы желали обидеть меня? Но за что? — Милош опустил голову, его плечи поникли. — Хотя... раз вы так решили, я уважаю ваш выбор.

Он резко развернулся. В его движении было столько трагического пафоса, что я бы рассмеялся, если бы не лицо маркиза Лукасса — старик побелел, как полотно.

— Мама! — громко произнёс Милош, шагая к столу. — Мы уезжаем!

Донка вскочила с места.

— Сын мой, что случилось? На тебе лица нет!

— Это неважно! — отрезал Милош.

Он повернулся к маркизу и коротко поклонился.

— Маркиз, благодарю вас за прелестный приём, но я немного устал. Прошу меня извинить и... прощайте!

Толстяк бросился вперёд, едва не споткнувшись о ножки соседних стульев.

— Но, Ваша Светлость! — в его голосе звучало кричащее отчаяние. — Вы могли бы отдохнуть в нашем доме. Шарлотта будет безмерно рада!

Милош остановился, медленно обернулся и посмотрел на меня. В его глазах плескалась вселенская печаль. Мне почему-то стало не по себе.

— Я сомневаюсь в этом, Милорд, — тихо сказал он. — Прощайте!

Герцог взял мать под руку и направился к выходу. Шандор тоже поднялся из-за стола. Он озорно подмигнул мне и последовал за родственничками. Вскоре весёленькая троица растворилась среди бесконечных деревьев цветущего сада.

Маркиз так и остался стоять с открытым ртом посреди веранды. Его руки дрожали, а щёки подрагивали, словно их щипал кто-то невидимый.

— Ну вот, ушли... — пробормотал он себе под нос.

А потом обернулся ко мне, собрав всё своё широкое лицо в комок злобных складок. Его ноздри ходили ходуном, а рот изогнулся перевёрнутой подковой.

— Неблагодарная наша дочь! — грохотал он, потрясая кулаками в воздухе. — Как смела ты... Врата геены огненной отверзли уста твои, несчастная! Его Сиятельство... ох... — старик схватился за сердце и вдруг растерял всю свою напыщенность и важность. Вайорика подлетела к нему и помогла устроиться на стуле.

Я скрестил руки на груди.

— Да чего ты так разнервничался? Подумаешь, психанул малец!

Маркиз скосил на меня покрасневшие глазки:

— Прочь. Прочь с глаз наших. Мы позже решим, что делать с тобой, — еле слышно произнёс он и отвернулся.

Служанка тут же возникла рядом со мной. Взяла под локоть:

— Миледи, ради всех святых, вам лучше послушаться отца, — прошептала она. — Я провожу вас в ваши покои.

Я посмотрел на маркиза. Он сидел спиной ко мне, глядя в сторону, куда ушли гости. Грозный господин вдруг превратился в ссутулившегося, больного, несчастного старика.

— Что же теперь будет с нами?.. — повторял он обречённо. — Ох... мы не знаем...

Вайорика настойчиво потянула меня к дому.

— Ладно, — буркнул я. — Пошли.

Дорога до спальни показалась бесконечной.

Служанка молчала, только крепче сжимала мой локоть. Её пальцы впивались в кожу, будто она боялась, что я вот-вот дам дёру. Мы шли по длинным, душным коридорам, увешанным портретами каких-то разряженных типов в париках. Казалось, что их глаза с презрительным осуждением следили за мной.

Когда мы наконец добрались до комнаты, Вайорика бесцеремонно втокнула меня внутрь, захлопнула дверь и прислонилась спиной к резному полотну, тяжело дыша. Я же рухнул на кровать и закрыл лицо руками.

— Слушай, и чего все так распсиховались-то? — спросил я устало.

Служанка не ответила. Я опустил руки и посмотрел на неё.

Она всё ещё стояла у двери, прожигая меня пугающе странным взглядом.

— Эй, ты чего? — слегка напрягся я и приподнялся на локтях.

— Миледи, простите меня за то, что мне придётся сделать, — она прерывисто вздохнула и достала из кармана передника небольшой флакон чудноватой формы. — Это только для вашего блага!

Я вскинул брови:

— Ты тоже психозом заразилась, что ли? А с виду такая стойкая была.

Вайорика решительно подошла ко мне. Флакон в её руках угрожающе поблескивал в полуденном свете.

Она возвела глаза к потолку:

— Святые угодники не оставьте меня в час скорби, — а после обратила ко мне строгое лицо: — Предупреждаю тебя, подлый демон, изыди из тела моей госпожи, а иначе...

Я закатил глаза.

— Мда... Я понял. Ты тоже тронулась.

— Убирайся, дьявольское отродье! — Вайорика быстро откупорила флакон и брызнула на меня его содержимым. — Эта чистая душа никогда не станет твоей!



Холодные капли попали мне на лицо. Я отшатнулся, вытирая глаза. Кожу не пекло и не разъедало, жидкость, вроде, ничем не пахла. Значит, в меня плеснули не кислотой или чем-то похожим — и на том спасибо.

— Чего за хрень? Вода что ли? — возмутился я. — Хорош меня поливать! Я уже весь мокрый.

— Ага, мерзкий мучитель, признался! — торжествующе воскликнула она. — Боишься святой воды, изверг!

— Тьфу ты... — я фыркнул, стряхивая капли с платья. — Да не боюсь я ничего. Мокро просто.

Служанка округлила глаза и, прижимая стекляшку к груди, испуганно пролепетала:

— Что же ты за нечисть такая?

— Ох уж эти ваши средневековые суеверия! — раздражённо махнул рукой я. — Никакая я не нечисть, и не демон, и не прочая потусторонняя шелуха — я такой же человек, как и ты. Не видишь что ли?

Почему-то мои слова Вайорику не убедили и она вместо ответа только перекрестилась.

Я наморщил лоб:

— Ну, ладно... почти такой же... Как же объяснить?

Врать было бессмысленно, это факт. Да и моя правда на правду походила со скрипом. Вайорика всё равно мне не поверит. Или, что ещё хуже, додумает чего недоброго. Но выхода у меня не было.

— Значит так. Я не Шарлотта, и хорошо, что ты наконец-то это поняла. Вообще-то, я даже не девчонка, и мне давно не восемнадцать. Меня зовут Глеб. Я — парень из... — я запнулся. Как объяснить ей, что такое двадцать первый век? — ...из другого мира. Из очень далёкого мира. Вот такие дела.

Вайорика медленно опустила флакон.

— Из другого мира? — переспросила она. — Но разве существуют земли, где мужчины носят женские платья и выглядят, как юные девы?

Я прикрякнул и откинулся на подушки:

— В моём мире и не такое бывает. Но ты, это, не подумай там чего. Я не из таких, я нормальный. Так что не дрейфь.

— Я... я... я ничего не понимаю...

— Да я и сам ничего не понимаю, — вздохнул я. — Может, всё это только галлюцинации, как считаешь?

— Пожалуй, я лучше ещё раз полью тебя святой водой! — решительно заявила она.

— Да что же ты такая тёмная-то? — возмутился я. — Ладно, попробую ещё раз объяснить. Короче, дело было так: порвал я с одной девчонкой. Ничего такая, но уже надоела малёх. А она мне: «любовь-морковь, паразит ты неверующий». Обиделась, в общем. А сама такая странная — глазами сверкает. Пальцами щёлкнула и исчезла, даже счёт оплатить не удосужилась. Ну я и побежал, а потом что-то мне поплохело и я — вжик — и здесь очнулся. Как? Хрен его знает.

Вайорика смотрела на меня, не моргая и буквально выпцвстая на глазах. Когда я закончил свой рассказ, служанка стала бледнее свежеевыпавшего снега.

— Глазами сверкала и исчезла? — переспросила она потрясённо.

— Ну, типа того. Про глаза — я не до конца уверен, но вот исчезла — это точно. Весь рестик видел.

— Святые небеса! Тогда ты в большой беде! — Вайорика опустилась на край кровати. Флакон выскользнул из её пальцев и покатился по полу.

Я фыркнул:

— Да это я и без тебя уже понял!

— А Миледи Шарлотта? — прошептала она взволнованно. — Где она? Что с ней? Я так волнуюсь...

Я пожал плечами:

— Вот этого я не знаю. Но если рассуждать логически, скорее всего, она сейчас в моём прекрасном теле офигевает от восторга быть мной.

Вайорика всхлипнула. Тёмные глаза заблестели плёночками слёз.

— Я надеюсь, что о ней сейчас хорошо заботятся, уважают и поддерживают в такой трудный момент... — Она перекрестилась. — Храни Святая Дева нашу Миледи...

— Эм... Это вряд ли, — поморщился я.

— Почему? — служанка встрепенулась, как испуганный воробей.

— Понимаешь, — я почесал затылок, — твоя Шарлотта сейчас — большой волосатый мужик. Десяносто шесть килограммов чистого тестостерона! Ни хухры-мухры, как бы. Слуг у меня нет. Даже домработница недавно сбежала. И, хоть я и милашка, у меня много недоброжелателей. Особенно среди девушек.

Вайорика ахнула и схватилась за крестик на шее:

— О, небеса, это так ужасно!

— Я бы попросил! — возмутился я. — Быть мной — вполне сносно. У меня там хотя бы бар есть. А здесь? Вот, что хорошего есть у твоей Шарлотты? — я начал загибать пальцы: — Психованный папаша, жених-дрищ и корсет, в котором не вздохнуть, не пёрнуть? Не, увольте! Я к себе хочу. Вот только как это сделать?..

Служанка вдруг выпрямилась. Её глаза вспыхнули решимостью.

— Конечно! Ты прав, демон! Мы должны поменять вас обратно! Тогда Шарлотта сумеет всё исправить!

— Да не демон я! — устало повторил я. — Меня Глеб зовут.

Вайорика кивнула:

— Хорошо, демон Глеб. Но при посторонних я буду называть тебя Миледи Шарлотта, чтобы не вызывать подозрений. Нельзя, чтобы кто-то догадался. Если тебя отправят на костёр, что станет с Миледи? Ох, я даже подумать боюсь об этом...

— Да, отличная мысль! — обрадовался я. — С тобой сложно не согласиться. Встречаться с инквизицией — или как вы тут это называете — мне совсем не хочется. Но, — я пожевал губу, — что мы будем делать дальше? Как ты будешь нас менять?

Служанка испуганно замахала руками:

— Я? Нет-нет! Я не ворожея! Избавь меня, Господь, от всякого колдовства!

— Отлично... — я обречённо выдохнул. — Значит, я застрял тут надолго. И надо же было так встрять!

Я повернулся на бок. В пустой голове гудело, мне не хотелось даже двигаться.

Тёплая ладонь легла на мою лодыжку.

— Мы не должны терять надежды! Святое писание гласит, что уныние — грех, — серьёзно сказала она. — Демон Глеб, вспомни, может, та госпожа что-то говорила или дала тебе какую-то вещь перед тем, как ты очутился здесь?

Я ухмыльнулся:

— Ну, дать — дала, конечно. Мне сложно отказать.

— И? — Вайорика наклонилась вперёд. — Что это была за вещь?

— Знаешь, это не то чтобы вещь... Это, скорее, процесс... — я почесал нос. — Короче, это точно не имеет отношения к моему перевоплощению. А вот слова... Да! Было что-то... Вроде: «Увидимся в новолуние». Ну, как-то так.

— Новолуние? — переспросила она. — И всё?

— Вроде, да.

Плечи служанки разочарованно опустились.

— Ах, Святые угодники... Значит, без посторонней помощи нам не справиться. Я знаю, — девушка почему-то зашептала, — того, кто может нам помочь. Но обращаться к ней за помощью опасно. Она коварна и хитра.

— Она?

Вайорика оглянулась на дверь, словно боялась, что нас кто-то может подслушать. Потом снова перекрестилась и заговорила ещё тише:

— Да. Люди зовут её Болотной ведьмой. Храни нас Святая Дева от этой нечисти! Ух, как же я её боюсь...

— Страшненькая, что ли? — ухмыльнулся я.

— Того я не ведаю, демон Глеб. Она живёт на окраине, в топях. Той тропой не ходят даже самые смелые охотники.

— Ну допустим, а лет-то ей сколько? Молоденькая?

Служанка пожала плечами.

— Никто не знает точно. Она — древнее зло. Люди говорят, что ведьма помнит времена, когда здесь ещё не было ни одного поселения.

Я скептически хмыкнул:

— Ну да, конечно. И динозавров, то есть драконов по-вашему, она, небось, ещё с ложечки кормила? И на мамонтов охотилась. Ну-ну.

Вайорика не улыбнулась. Наоборот, побледнела ещё сильнее.

— Не говори так, демон Глеб! — испуганно пролепетала она. — К ведьме приходят только отчаявшиеся. Те, кому уже нечего терять. Кто готов связаться с тёмными силами, забыв о спасении души своей! Искушение и отчаяние толкает людей в объятия бездны, да только разве может колдовство принести счастье?

— Пф, — я закинул руки за голову, — естественно!

— Нет, ты не прав, демон Глеб, — замотала головой служанка. — Только своими трудами и кротостью может человек заслужить счастье. Моя тётушка, храни Господь её душу, жила в соседней деревне. А теми землями владел один уважаемый господин. Жёну свою любил без памяти. А она взяла да и умерла от лихорадки. Как же тот господин по ней убивался! Не ел, не пил, да так и решился взять грех на душу. Пошёл к этой Болотной ведьме. Говорят, он плакал у неё в ногах. А через неделю его жена возьми да и вернись живёхонькая, — она в очередной раз перекрестилась, — но... святые небеса, какой же ужас это был! Тётушка моя, пусть земля ей будет пухом, видела её на рынке. Говорит, глаза у неё были как у мёртвой рыбы. Она смотрела на мужа и не узнавала его. Улыбалась, когда он плакал. Молчала, когда он кричал. Святая дева, храни нас от всякого зла.

— А тот мужик чего? Ну, который муж? — спросил я.

— Ровно через месяц, как жена вернулась, его нашли в амбаре, — она подняла на меня глаза полные страха. — Повесился. Да простит Господь его грешную душу!

— Во дурак, — констатировал я с ухмылочкой. — Выпросил себе бедолага геморрой, называется. И зачем? Нет бы с какой красоткой помоложе замутил. Средневековые, одним словом. Да и ведьма эта ваша хороша. Могла бы и посочетовать чего дельного тому мужику, раз такая, типа, древняя и мудрая.

Вайорика вздрогнула и снова заговорила шёпотом, озираясь, как заговорщица:

— Говори тише, демон Глеб. Люди рассказывают, что Болотная ведьма видит твои мысли и слышит твои слова даже за много вёрст. Святые угодники, защитите нас! И если ты её разозлишь...

— Что? — перебил я. — Превратит меня в жабу?

— Откуда ты знаешь?! — сделала круглые глаза служанка.

— Сказки в детстве читал.

— Но это — совсем не сказки, чистая правда! Отец Кристофер — да хранит Господь его праведную душу — видел это своими глазами! Ведьма хранит в своей проклятой хижине стеклянные сосуды. А в них — человечесьи языки! Языки тех несчастных, что дерзнули ей нагрубить. И плавают те языки в мутной жиже. А ещё они не гниют, и не чернеют, будто вчера вырезаны! Богопротивное колдовство! Мерзость перед Господом!

Я призадумался, почесав подбородок.

— Плавают в жиже и не портятся, говоришь? Хм, может, ваша ведьма не такая уж древняя и отсталая. Видать, гонит спиртягу старушка, чтобы членовредительство своё сохранять.

— Что? — в очередной раз вылипилась на меня служанка.

Я хотел ответить, но тут в дверь громко и настойчиво постучали. Вайорика вскочила на ноги, а я сел на кровати, одёрнув платье. Мы переглянулись, как два шпиона, застигнутые в момент передачи секретных материалов, и я пропищал:

— Кто там? Не желаю никого видеть. Уходите!

Из-за массивной двери раздался взволнованный, густой женский голос:

— Миледи Шарлотта, это старая Агата. Кухарка вашей милости, — её слова трепыхались. — Дозвольте мне войти, госпожа. Ради всех святых!

— Войти? — растерялся я. — Зачем? Не надо входить. Я не звал... не звала никаких кухарок.

— Миледи! — В голосе старухи слышались рыдания. — Ради вашего же блага... Умоляю, откройте дверь! Стряслась беда! Большая беда пришла в сей дом!

Глава 5

Я кивнул и Вайорика шустро открыла дверь, впуская в комнату большую, полную женщину с широким морщинистым лицом, красным, видимо, от быстрой ходьбы и волнения.

— Что случилось? — спросила Вайорика.

Старая Агата поймала меня глазами и, страдальчески сложив руки на груди, заголосила:

— Ах, Миледи, беда! Страшное несчастье!



Я подпёр щёки кулаками.

— Ну? Что опять не слава богу?

Кухарка зашмыгала мясистым носом:

— Ваш батюшка, Миледи... Ваш батюшка... Ах... — она затряслась в рыданиях, растирая глаза уголками наплечного платка.

— Что батюшка? — устало отозвался я. — Лопнул от злости? Надо срочно искать толстые нитки и хорошего портного, чтобы сшить его обратно?

Вайорика ахнула и топнула ногой:

— Демо... то есть, Миледи! Не шутите так!

Но, кажется, старая даже не заметила этого. Она всхлипнула ещё громче и покачала головой:

— Хуже, дитяtko, много хуже! — кухарка перекрестилась дрожащей рукой. — Милорд Лукасц... он... он... ох, нечистый затуманил разум нашего доброго господина!

— Пф, тоже мне новости, — махнул рукой я. — Это и так понятно. Подумаешь, сенсация — срочно в номер.

Агата схватилась за ткань своей юбки, комкая её в пухлых мятых пальцах:

— Я слышала от Петера-конюха, а тот от горничной Марты, что Милорд после ухода гостей не находит себе места! — голос её дрожал. — Кричит, топает ногами, божится страш-

ными клятвами! Петер говорит, что господин швырял книги о стены. А Марта клянётся, что видела, как Милорд разбил три хрустальных бокала из сервиза вашей покойной матушки о камин!

Вайорика снова ахнула, а я заскучал ещё больше:

— Попсихует да успокоится. У меня сча проблемки посерьёзнее эмоциональной нестабильности всяких стариканов с диктаторскими замашками.

Кухарка обречённо покачала головой. Лицо её исказилось от страха, и слёзы потекли по рельефным щекам ещё сильнее:

— Вы не понимаете, Миледи! — прошептала она. — Маркиз не в себе! Томас-дворецкий передал мне... Томас слышал... Господи прости... что Милорд велел всем слугам молиться за вас. Молиться всю ночь, чтобы герцог Милош вернулся. Или хотя бы весточку прислал. Или... или передумал. А иначе... иначе... — она уткнулась в сальные ладошки и захлебнулась в причитаниях.

Я фыркнул:

— Ага. Конечно. Сейчас все побегут молиться, волосы назад. Бред какой-то. Делать им больше, что ли, нечего?

Вайорика вновь одарила меня гневным взглядом, а после накрыла ладонями подрагивающие плечи кухарки.

— Агата, силы небесные, что ты такое говоришь? Разве наш славный господин может желать зла Миледи? Ты, верно, путаешь, чего-то.

— Нет, нет, — женщина резко вскинула голову, хватая ртом воздух, и принялась неистово креститься. — Вот тебе крест, Вайорика. Томас своими ушами слышал, как Милорд кричал, что если до заката завтрашнего дня герцог не объявится...

Агата замолчала, глядя в пол.

— Что? — я поднялся с кровати. — Что он сказал?

— Он выдаст вас за первого встречного, — прошептала она, не поднимая головы. — А коли вы изволите противиться, так вовсе выгонит из дома. Он кричал, что вы опозорили семью. Что он потерял последнюю надежду на выгодный союз. Что лучше вам вообще не родиться, чем...

— Стоп-стоп-стоп! — я замахал руками. — Выгонит? Из дома? Так и сказал?

Вместо ответа кухарка мрачно кивнула. Вайорика схватила за сердце и отшатнулась к стене.

— Святая дева, — только и проямлила она.

А вот я совсем не понимал, чего это они так приуныли. Выгонит из дома? Это же отлично! Свобода! Никаких корсетов, никаких герцогов, никаких обедов с психованными аристократами.

— Да пусть выгоняет! — обрадовался я. — Мне только на руку. Уйду отсюда куда подальше, и дело с концом.

Служанки синхронно вылупились на меня, раззявив безмолвные рты.

— А чего не так-то? — развёл руками я. — По-моему, отличный план.

— Демон Гл... — отмерла наконец Вайорика и осеклась, глянув на Агату. — То есть, Миледи Шарлотта! Ты... вы не понимаете, что говорите!

— Ещё как понимаю! — я начал расхаживать по комнате. — Свалю отсюда, найду какую-нибудь работу... ну, пока, не придумаю, как мне обратно... короче ты поняла, о чём я. Поживу, так сказать, в своё удовольствие.

— Какую работу?! — почти выкрикнула служанка. — Разве вы умеете плести кружева или прясть? Шить? Варить мыло? Печь хлеб?

Я пожал плечами:

— Ну... можно и научиться. Не боги горшки обжигают, как говорится.

Вайорика покачала головой, и в глазах её читалось ледяное упрямство.

— Святые угодники! Никто не возьмёт в ученицы девушку, опозорившую свой род! Вы — дочь маркиза. Дочь, которую выгнал собственный отец! Все мастера и мастерицы округи знают вас и никогда не решаться навлечь на себя гнев господина Лукасца. Кто, по-вашему, захочет помогать той, что пошла против родительской воли, а значит, против воли Господа?

— Опять эти ваши средневековые пережитки, — насупился я, но сдаваться не собирался. — Ладно, пускай не берут. Тогда... тогда я буду собирать грибы, ягоды, травы там всякие вкусные. Пойду торговать на рынок. Рынок-то у вас здесь имеется, я надеюсь? В школе я, между прочим, неплохие гербарии собирал. Красивые такие, аккуратненькие.

— Гербарии? — подняла брови Вайорика.

— Ну, это когда растения сушишь и...

— Храни нас Пречистая Дева! — служанка всплеснула руками. — Вас же примут за ведьму! Красавица, которая собирает травы в лесу, живёт одна, без мужа, без семьи... Святые небеса, вас сожгут на костре за колдовство!

Я замер. По спине пробежал холодок.

— За... за сбор трав?

— Конечно! — Вайорика схватила за крестик. — Все решат, что вы варите зелья и нагоняете скверну на добропорядочных жителей! Что связались с тёмными силами!

— Ладно, ладно, — я махнул рукой. — Тогда по-другому. Я продам пару брюликов, что на мне висят, — и ткнул пальцем в увесистую серёжку в ухе, — и буду жить на эти деньги. Куплю себе какое-нибудь уютненькое гнёздышко с садиком где-нибудь подальше от этого сумасшедшего дома и...

— Все должны быть при деле! — решительно перебила Вайорика. — Все! Если вы будете жить одна, не работая, все решат, что вы воровка! Откуда деньги у неработающей девицы? Значит, украла! Или того хуже — убила кого-то и ограбила! Ах, святые небеса! Вас арестуют! Бросят в темницу! И там вы будете гнить заживо, пока не признаетесь в преступлениях, которых не совершали!

Я открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Но... но это же бред какой-то! — возмутился я. — Я что, вообще ничего не могу?!

Молчавшая до сего момента Агата тяжело вздохнула. Она подошла ближе, оперлась о край стола и посмотрела на меня усталыми, мутными глазами.

— Есть один выход, дитяtko, — прохрипела кухарка. — Только он точно не понравится Вашей милости.

— Какой? — я вцепился в её слова, как утопающий в сброшенный спасательный круг.

Старуха помолчала. Потом перекрестилась, потом сглотнула, снова перекрестилась и произнесла так тихо, что я едва расслышал:

— Пойти в блудницы.

— Чего?! — я решил, что меня конкретно пригрело. Походу, мой спасательный круг оказался дырявым. Во всех смыслах этого слова.



— В дом терпимости, — повторила Агата чуть громче, но всё ещё запинаясь то ли от стыда, то ли под впечатлением от моего вытянувшегося лица. — Это единственное место, где примут девушку без рода и без чести. Храни Господь таких несчастных...

Вайорика всхлипнула и закрыла лицо руками. А я стоял посреди комнаты и чувствовал, как вся моя самоуверенность куда-то медленно и безвозвратно испаряется.

— Вот... дерьмо, — выдал я наконец. — Поганые у вас тут порядки, однако.

Агата тяжело вздохнула и положила свою тяжёлую морщинистую руку мне на плечо как-то совсем тепло, даже по-матерински.

— Не отчаивайтесь, Миледи, — прошептала она. — Господь милостив. Он не оставит вашу чистую душу без защиты. Я верю, что явит Он чудо и вернёт вашего жениха. Герцог, храни его Господь всемогущий, образумится. А может, ангел небесный пошлёт иное избавление. У нас есть ещё время, Миледи. Верьте.

Я скептически хмыкнул:

— Ага. Чудо. Конечно. Сейчас прилетит целая ватага белокрылых и всё решит на раз-два. Если бы...

Вайорика метнулась ко мне, мягко отстраняя грузную Агату.

— Миледи устала! — громко объявила она, глядя на кухарку. — Видишь, уже в словах путается. Не приведи Господи, вслед за батюшкой...

Старуха аж отпрыгнула.

— Что ты, что ты, Вайорика! Защити, Всевышний, славное семейство Лукасц. Я пойду тогда. Вернусь на кухню, не буду мешать, — она поклонилась и поплелась к двери, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. У самого выхода Агата посмотрела на меня. — Молитесь, дитятко. Молитесь усердно. Просите Святую Деву о заступничестве. Да хранит вас Господь...

Дверь закрылась за ней с тихим скрипом. Вайорика провернула ключ, запирая замок, прислонилась к полотну спиной и медленно сползла на пол. Тело служанки подрагивало в мелких судорогах, а в круглых глазах плескался неподдельный ужас.

— Святые небеса... — прошептала она. — Что же нам теперь делать? Бедная Миледи Шарлотта... как нам помочь ей?

Я посмотрел на неё, потом на подбиравшееся к вечернему горизонту солнце за окном. Служанка была права — нужно было действовать. И желательно быстро. До её госпожи, на которую чёрт одолжившей мне своё тело, дела мне не было, но вот провести жизнь в роли путаны или, того хуже, отправиться на костёр — не, спасибо, ешьте сами.

— Слушай, Вайорика, — сказал я, присаживаясь на край кровати. — А где живёт твоя Болотная ведьма? Далеко отсюда?

Служанку не хило так тряхнуло. Она подскочила на ноги.

— Нет! — девушка схватилась за крестик на шее. — Нет, нет, нет! Даже не думай об этом!

— Но ты же сама говорила...

— Я говорила, что это опасно! — Вайорика подлетела ко мне, схватила за руки и, заглядывая в глаза, затараторила: — Храни нас Святая Дева, это смертный грех! Нельзя связываться с такой нечистью... Она заберёт твою душу! Превратит в чудовище! Или вообще убьёт!

Я высвободил руки:

— И что ты предлагаешь? Сидеть тут и ждать, пока меня выгонят? А потом отправиться в публичный дом?

Вайорика отстранилась, поджимая губы.

— Я... я не знаю... — пролепетала она. — Но ведьма... ведьма... она же... только не к ведьме!

— Ох, женщины, — покачал головой я. — Полчаса назад ты мне говорила, что она единственная, кто может помочь, а теперь в прыжке переобулась?

Служанка смотрела на меня исподлобья, как надувшийся ребёнок. Надо было дожимать, что я, собственно, и сделал:

— Да пойми ты, тёмная твоя башка, у нас нет другого выхода. Подумай сама, какие у нас ещё есть варианты? Да никаких! Либо я иду к этой вашей Болотной ведьме и пытаюсь вернуться в своё тело, либо... — я выдержал трагическую театральную паузу, — либо твоя обожаемая Шарлотта навсегда останется охрененно обаятельным мужиком. И, заметь, без всякой прислуги, привилегий и красивых платьишек. Ты этого ей желаешь?

Вайорика закрыла лицо руками.

— Боже, — простонала она сквозь пальцы. — Боже мой...

Кажется, у меня получилось и сейчас пришло время врубать «доброго полицейского».

— Вайорика, — вкрадчиво сказал я и похлопал по кровати рядом с собой. — Присядь, пожалуйста.

Служанка покосилась на меня, в нерешительности закусил губу, но через секунду всё-таки подчинилась и аккуратно устроилась неподалёку на шёлковых простынях. Я одарил её самым располагающим взглядом из своего арсенала. Мы помолчали.

— Далеко... — вдруг выдохнула девушка.

— Что?

— Ведьма...

— Что ведьма?

— Ради всего святого, прекрати повторять одно и то же! — мгновенно взорвалась она.

Я расплылся в довольной улыбке. Фокус с эмоциональными качелями сработал. Впрочем, как и всегда.

— А вот такой боевой настрой мне уже нравится! А то развела мокроту. Ладно, что ты там про ведьму говорила? Далеко — это что значит? Живёт она далеко? Сколько пёхать придётся? Час? Два?

Вайорика опустила голову, разглядывая свои руки, сложенные на коленях.

— Ты не дойдёшь до неё, — сказала она, как будто сожалея о том, что не смогла сдержаться.

— Это ещё почему? Ноги вроде есть. Голова на месте. Платье, конечно, дурацкое, но...

— Потому что ты — девица знатного рода, — перебила Вайорика, поднимая на меня глаза. — Дочь маркиза Лукаса. Тебе нельзя просто так взять и уйти из поместья. Тебя не выпустят.

Я фыркнул:

— Ну да. Конечно. А если я скажу, что просто иду гулять?

— Гулять? — служанка покачала головой. — Миледи не гуляют просто так. Тем более одни. Тем более по вечерам. Тем более после такого скандала. Никто не позволит, — она начала загибать пальцы: — у ворот стоит стража. Томас-дворецкий отдал приказ: никого не выпускать без разрешения маркиза. А маркиз ... — Вайорика поджала губы и замолчала, боясь озвучить собственные мысли.

— Долбанутый деспотичный старикашка? — закончил я за неё.

— Господин не в себе, — насупилась Вайорика. — После того, что ты... то есть, что случилось с герцогом Милошем... Святые угодники, он не даст тебе выйти даже во двор, не то что за ворота.

Я призадумался, встал и начал ходить по комнате. Корсет, кажется, уже врос в мои внутренности, ноги путались в кружавчетом подоле и всё это бесило до невозможности.

— Ладно, — сказал я. — Тогда сбегу. Вылезу через окно, найду в заборе щёлочку. Вон я какой теперь стройняшка, как таракан могу под плинтусом прятаться.

Вайорика почему-то не улыбнулась:

— Даже если ты выберешься из поместья, тебя поймают на улице. Юная госпожа одна, ночью, без сопровождения? Это не просто странно — это подозрительно. Стража задержит тебя. Или бандиты. Или... — она перекрестилась. — .ещё кто похуже.

Я сложил руки на груди, к слову сказать, на отменной такой груди.

— Знаешь, ты сейчас токсичеешь не по-детски. Одна критика от тебя. Не нравится мой план, так предложи свой.

Вайорика полодила пальцы на подбородок и я увидел, как в её глазах лихорадочно мелькают мысли.

— Нужно, чтобы тебя выпустили по личному разрешению маркиза. С сопровождением и каретой, — рассуждала она вслух.

— И как ты это себе представляешь? Пойти к толстяку и сказать: «Батенька, отпустите-ка меня к Болотной ведьме, а то мне нужно срочно вернуться в тело мужика»? Так что ли?

Вайорика вдруг засияла:

— Нет. Мы скажем... Мы скажем, что ты отправляешься в дом божий! В монастырь!

— В монастырь? — я поднял брови. — Ну здрасти приехали. Сначала в ночные бабочки, а теперь в монашки меня отправляешь? Мне кажется или ты ненормальная?

— Да! — Вайорика заговорила быстрее, совсем не слушая меня и всё больше распаляясь своей идеей. — Мы поедem в храм Святой Агнессы. Он в двух часах езды отсюда. Туда часто приезжают знатные дамы, чтобы помолиться, попросить прощения за грехи и заступничества у Святых угодников.

— Мы?! — с недоверием переспросил я.

— Конечно! Разве я могу доверить тебе будущее Миледи? Не переживай, Маркиз не посмеет отказать! Молитва в храме — это благое дело. Он даже обрадуется, что ты хочешь исправить свою ошибку.

Я прищурился:

— И? Я что-то не догоняю, как это поможет?

— Болота — не так далеко от храма, — по-лисьи заулыбалась служанка. — Коли Господу угодно такое безумие, ночь скроет нас от глаз следящих. Мы доберёмся до болот и успеем вернуться ещё до рассвета. Скажем, что провели ночь в молитвах.

Я уставился на неё с нескрываемым восхищением:

— Ничего себе. А ты, оказывается, умеешь врать. Хвалю!

Вайорика покраснела:

— Это не ложь! Это... это... — она запнулась. — Я готова на всё ради спасения Миледи Шарлотты!

— Ага, конечно, — усмехнулся я. — Ради Шарлотты. Ладно, значит, давай повторим: едем в монастырь, оттуда сваливаем к ведьме, она меня расколдовывает, и я возвращаюсь домой. План — огонь, вот только есть один вопрос.

— Какой? — настороженно спросила Вайорика.

— Ты знаешь, где эта ведьма живёт? Бродить по болотам в темноте, ну, не самое приятное занятие, как по мне.

— Моя тётушка, царствие ей небесное, — служанка опять смутилась, — она рассказывала мне. Говорила, что нужно ехать по старой дороге до развилки с каменным крестом. После — свернуть налево, к реке. Там будет узкая тропа, и по ней следует идти, пока не увидишь огонь.

— А тётка твоя — ещё та штучка была, как я погляжу. И даже про огонь откуда-то знает. Бывала у неё что ли? — переспросил я.

— Святая Дева, что ты такое говоришь! — развела руками Вайорика. — Она была женщиной богобоязненной, а про огонь все вокруг судачат. Говорят, он волшебный и никогда не гаснет. Так ведьма указывает дорогу страждущим её грязных дел, чтобы те не отдали Богу душу в трясине. Ей нужны живые, а не мертвецы.

Я кивнул и направился к двери, но Вайорика схватила меня за руку:

— Стой! Ты что, прямо сейчас собрался?!

— А что? — я обернулся. — Чем быстрее, тем лучше.

— Нет! — она затрясла головой. — Сначала нужно всё подготовить. Я должна пойти к маркизу, сказать ему про монастырь. Попросить карету. Предупредить конюхов, — служанка говорила быстро, сбивчиво. — Ещё нужно собрать еду, тёплые вещи... Храни нас Святая Дева, в болотах ночью холодно.

— Ладно, ладно, — я махнул рукой. — Делай что нужно. Только побыстрее.

Она кивнула, но с места не двигалась. Только переминалась с ноги на ногу.

— Ну? Что ещё? — со вздохом спросил я.

— Я дала клятву служить госпоже Шарлотте. Защищать её. И я сдержу свой обет. Даже если в теле Миледи сидит демон. Даже если это будет стоить мне жизни. — Вайорика перекрестилась. — Даже если придётся идти к самой мерзкой нечисти, которую только знает этот мир.

Я внимательно посмотрел на бледную, дрожащую, но упрямую девушку. Странное тепло разлилось по моему стянутому корсетом желудку.

— Ну, это, спасибо, что ли, — я почесал шею.

Вайорика кивнула и вытерла выступившие слёзы:

— Не благодари раньше времени. Сначала нужно выжить, — и она направилась к двери, на ходу раздавая последние указания. — Жди здесь. Я вернусь через полчаса. И, демон Глеб?

— Да?

— Когда мы доберёмся до ведьмы, — Вайорика обернулась, и в её глазах читался настоящий страх. — Ради всего святого, не груби ей. Пожалуйста. Ведьма хитра и опасна, а если ты разозлишь её...

— Не волнуйся. Я умею быть обаятельным, когда надо.

Вайорика посмотрела на меня с сомнением, но промолчала. Дверь за ней закрылась.

Я остался один в тишине спальни. За окном смеркалось, и где-то в этой темноте, в болотах, меня ждала жуткая ведьма.

Глава 6

— А это всё обязательно? — страдальчески проканючил я. — Я похож на дурачка с фантиками.

— Не мешай! Я почти закончила, — строго сказала Вайорика, продолжая суетиться вокруг моей персоны. — Вот это сюда приладим — и всё готово! Чудесно!

Я повернулся к зеркалу и едва сдержал стон. Из отражения на меня смотрела девушка, больше напоминавшая прижимистого торговца-старьевщика, чем особу благородных кровей. Тёмно-серый плащ с капюшоном — единственная нормальная вещь из всего этого маскарадного гардероба. Но дальше начинался полный абсурд...

Моя тонкая шея с трудом выдерживала вес всевозможных нательных крестиков разного размера — от маленького серебряного до здоровенного деревянного, килограмма, наверное, в полтора. К поясу были привязаны мешочки с травами, коих я насчитал семь штук. Ещё один мешочек болтался на груди, прямо поверх крестиков. На запястьях — кожаные браслеты с выжженными надписями на непонятном языке. В карманах плаща что-то звякало и шуршало.

— Ерундень какая-то — обречённо сказал я, поднимая руку и разглядывая браслет.

— Это для защиты от нечистой силы, — деловито ответила служанка, поправляя один из мешочков на моём поясе. — Вот это, — она ткнула пальцем в самый большой крестик, — освящённый крест. Его благословил сам отец Кристофер. Святое распятие рассеивает дьявольские козни. А это, — она показала на мешочек у меня на груди, — сухой чеснок и зверобой. От сглаза и порчи. А в сих мешочках, — она похлопала по поясу, — четверговая соль, рябина, святая вода, лаванда, серебряная монета, молитва на пергаменте и... э-э... — Вайорика замялась.

— И? — с подозрением уточнил я.

— И ещё мощи, — быстро выпалила она.

— Какие мощи?! Чьи?

— Святого мученика Себастьяна.

— И что это? Какая-то тряпочка? Волос?

— Зуб, — служанка отвела взгляд. — Агата заверила меня, что реликвия подлинная. Но по чести сказать, так сразу и не признаешь. Смотришь на него — ну совсем как новенький.

— Новенький?! — я судорожно принялся ощупывать мешочки в поисках того самого. — Ты хочешь сказать, что на мне висит чей-то недавно вырванный зуб?!

— Не недавно! — возмутилась Вайорика. — На вид, ну... лет пятьдесят назад. Может, семьдесят. В общем, не суть важно! Главное, что вещь проверенная. Храни нас Господь, это великая милость — носить при себе мощи! Многие годами молятся, чтобы удостоиться такой чести!

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. И хотя корсета на мне в этот раз к счастью не было, но эмоции взяли верх, а потому вместо шумного выдоха получилось что-то вроде задушенного всхлипа. И за что мне всё это?



— А браслеты? — спросил я, открывая глаза. — Из той же оперы?

— Из дальних земель, — удивилась служанка. — Благочестивые монахи собственно-ручно нанесли на них строки Святого Писания. Они отгоняют бесов и злых духов.

Я покрутил запястьем. Браслет неприятно впивался в кожу.

— И ты реально думаешь, что эта мишура работает?

— Конечно! — Вайорика кивнула с такой убеждённости, что я невольно улыбнулся.

— Ладно, тогда объясни мне одну простую штуку. Вот ты нарядила меня в свои погребушки, — я провёл рукой, показывая на все амулеты сразу, — меня, как ты говоришь, демона Глеба. Подчёркиваю — демона. Почему я тогда не горю? Не дымлюсь? Не задыхаюсь от святой воды, или что там с нечистью по твоим представлениям должно происходить? Выходит, не способна твоя амуниция меня испепелить, так что ли?

Вайорика замерла, открыв рот. Потом нахмурилась, явно лихорадочно соображая.

— Потому что... — начала она неуверенно. — Потому что ты не настоящий демон!

— О, как! А какой тогда? Игрушечный? Может, наконец, признаешь, что я человек, а не то, что ты себе напридумывала?

— Ты... да, ты человек! — Вайорика ткнула в меня пальцем, будто доказывая самой себе, что я не кажусь ей, а стою рядом во плоти. — Ты человек, в которого вселился демон! Вот! Поэтому святыни не вредят телу Миледи Шарлотты — оно чистое! А демон внутри тебя просто... просто прячется от них! Да, точно! Он боится святынь и притаился!

Я хлопнул ладонью по лбу и покачал головой:

— Да с твоей логикой надо не в служанки, а в политики. Ну, или на ток-шоу в телеке. Даже не знаю, как тебе ответить, чтобы не обидеть.

— Так и не надо ничего отвечать. Всё ясно, как божий день, — обрадовалась Вайорика, явно довольная своим объяснением. — Вот моя покойная матушка, царствие ей небесное, всегда носила в переднике мешочек с солью, и ни один колдун не смог навести на неё порчу.

— Может, потому что колдунов не существует? — пробормотал я.

— Что ты такое говоришь?! — всплеснула руками Вайорика. — Святые угодники, конечно существуют! Иначе зачем нам отправляться к ведьме?

Логика железная. Не поспоришь.

— Ах, чуть не забыла, — она торжественно надела мне на шею ещё один амулет из крупных янтарных бусин. Я почувствовал, как под тяжестью всей этой защитной утвари моя шея начала медленно уходить в плечи.

— Вайорика, — устало сказал я. — Я сейчас звеню, как новогодняя ёлка. Если мне придётся бежать, меня услышат за километр.

— Бежать? — служанка округлила глаза. — От ведьмы не убежишь! Она найдёт тебя и на Снежных пиках, и в Тёмной долине, и даже за Свирепым морем! Пречистая Дева, защити нас от всякого зла. Я хотела ещё надеть тебе на голову венок из омелы, но он не подходит к причёске.

— Очень мудрое решение, — искренне согласился я.

Служанка ещё раз окинула меня критическим взглядом, поправила капюшон плаща и удовлетворённо кивнула:

— Теперь ты готов, демон Глеб. Пойдём. Карета ожидает у ворот.

Мы вышли из спальни. Коридоры поместья окутывал неуютный полумрак, и только редкие факелы на стенах освещали путь. Наши шаги гулко отдавались от каменного пола. Вернее, мои шаги были глухими, ведь я шёл осторожно, стараясь не греметь амулетами. А Вайорика семенила рядом, неся небольшую корзинку с провизией.

У главного входа, надувшись, как большая коричневая жаба, нас ждал маркиз Лукасц. Сальные складки на его лице мелко подрагивали, да и в целом выглядел он, мягко говоря, непрезентабельно: глазёнки покраснели, волосы вздыбились, а камзол был застёгнут всего на одну неправильную пуговку.

— Дочь наша, — хрипло произнёс он, буравя на меня тяжёлым взглядом, — полагаю, длинные языки болтливых слуг уже донесли мою волю?

Я машинально кивнул. Он продолжил с той же нервозно-ледяной интонацией:

— Наше решение окончательное. Прими свою судьбу достойно.

— Ну... ладно, — растерялся я.

А маркиз вдруг шагнул вперёд и неожиданно обнял меня, неловко и порывисто, прижав к своей грузной груди. Я застыл, не зная, что делать. Амулеты на моей шее жалобно звякнули.

— Да хранит тебя Господь, дитя, — прошептал он мне в ухо, и я почувствовал, как его голос дрожит.

Он опустил руки и отвернулся, украдкой вытирая глаза рукавом камзола.

Вайорика взяла меня под локоть и потянула к выходу. Я оглянулся. Маркиз стоял спиной, опираясь на трость, и плечи его вздрагивали.

Чёрт. Вот теперь мне стало совсем паршиво. Я хотел, было, крикнуть старику что-нибудь ободряющее, но Вайорика так злобно шикнула прямо мне в лицо, что я тут же захлопнул рот и послушно полез в узкую дверцу кареты.

Кажется, мой плащ успел зацепиться за все выпуклости, красоты и торчащие детали нашего транспорта, пока я, кряхтя, втискивался внутрь. И что за жизнь у этих средневековых аристократов? Сплошные неудобства. Впрочем, через пару минут я-таки победил систему и усадил свой теперь небольшой и круглый зад на бархатную подушку, оставленную кем-то на деревянном сиденье. Вайорика устроилась напротив, поставив корзинку с провизией рядом с собой.

— Трогай! — крикнула она кучеру.

Карета дёрнулась и покатила. Я вцепилась в край деревяшки, чтобы не свалиться. А вскоре мысленно благодарил того добряка, что подложил мне мягонькую подушечку. Хотя и через неё тряска чувствовалась весьма ошутимо. По ходу, у нашей кареты не было и намёка на подвеску или что-то похожее, и потому уже через несколько минут дороги мой позвоночник готов был медленно осыпаться в кружевные панталоны.

— Долго нам ехать? — стуча зубами в такт колёсам, спросил я.

— До монастыря? Нет, не очень. Коли Господь будет милостив к нам, — Вайорика перекрестилась, — доберёмся к полуночи. А там нас встретит отец Игнатий. Я передала ему весть через Михалю, восьмого сына старой Агаты. Он мальчишка шустрый, думаю, уже передал действительно, что Миледи Шарлотта желает провести ночь в молитве перед чудотворной иконой.

— И он поверит? Не будет мешать?

— Отец Игнатий — человек богобоязненный и добрый. Конечно, поверит. Мы с Миледи часто приезжали сюда, — Вайорика достала чётки и начала перебирать их. — Он отведёт тебя в часовню, оставит одну для молитвы. А стража останется снаружи, потому как нельзя тревожить душу, предающуюся разговору с Господом.

Я прищурился:

— То есть нас будет охранять стража?

— Конечно, — кивнула Вайорика. — Маркиз отправил с нами двух всадников. Они едут следом.

Я выглянул в окошко. Действительно — в лунном свете я увидел двоих бравых мужичков, ехавших позади кареты. Оба в одинаковых нарядах, с мечами на поясах.

— Охренеть, — пробормотал я. — И как мы от них сбежим?

Крупные, грубо обтёсанные бусины в руках служанки замерли.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом? Разве не ты должен придумать, как нам сбежать, демон Глеб?

Я уставился на неё:

— Что? Я?!

— Ну конечно! — Вайорика пожала плечами, и снова заработала проворными пальчиками. — Ты же почти демон. Тебе помогают тёмные силы, а по сему тебе доступно многое. Ты можешь просто, — она неопределённо повела рукой в воздухе, — щёлкнуть пальцами, и стража заснёт. Или мы станем невидимыми. Или перенесёмся прямехонько на дорогу к ведьме.

Я почувствовал, как мои глаза вылазят наружу из черепа.

— Вайорика, — медленно произнёс я. — Ты сейчас серьёзно?

— А что? — она посмотрела на меня с абсолютно невинным видом. — Разве демоны не умеют колдовать?

— Я не демон! — отчеканил я сквозь зубы. — Сколько можно повторять? Я обычный человек! У меня нет никаких сил! Я не могу хлопнуть в ладоши и телепортироваться!

— Как же тогда ты вселился в тело моей госпожи? — не унималась служанка.

— Никуда я не вселялся! Нахрен мне сдалась твоя госпожа?! Я вообще не понимаю, как всё это работает! Я проснулся в чужом теле — вот и всё!

Вайорика нахмурилась:

— Значит, у тебя правда нет никаких демонических способностей?

— Нет!

— Совсем-совсем?

— Совсем!

— Ни капельки?

— Вайорика!

Служанка вздохнула и опустила глаза:

— Ну что ж... Тогда нам действительно остаётся только молиться.

Мы замолчали. Карета продолжала трястись на ухабах. За окном мелькали деревья. Всадники позади нас ехали молча, как два призрака.

Я смотрел себе под ноги и пытался сообразить, как, чёрт возьми, мы выберемся из монастыря незамеченными. Молитвы до утра с последующим трудоустройством в бордель меня явно не устраивали.

Интересно, что сейчас происходит с моим телом? Вернее, с мелкой, пугливой девчонкой по имени Шарлотта, которая в него попала. Как она там? Офигевает, наверное. Проснулась большим волосатым мужиком в моей неубранной квартире, а вокруг никого...

Зато теперь она свободна. Ну, относительно свободна, учитывая, кем она стала. Работа, бывшие девушки, которые периодически называют с претензиями и сопливыми стенаниями. А телевизор? Компьютер? Кофеварка, в конце концов? Она же понятия не имеет, что это за адские приспособы такие.

Я усмехнулся. Вот бы узнать, что она подумала, когда проснулась? «Вот это приколы»? Или сразу в обморок бухнулась?

— О чём ты думаешь, демон Глеб? — спросила Вайорика, прерывая затянувшееся молчание.

— Да так, — я пожал плечами. — Думаю, как там твоя Шарлотта в моём теле.

Служанка вздохнула:

— Надеюсь, Господь хранит её. Бедная девочка. Она, наверное, так напугана...

— Угу, — кивнул я. — Наверное.

Карета подпрыгнула на кочке. Я стукнулся головой о потолок, а самый здоровый из крестов смачно жмахнул мне по подбородку.

— Твою налево, — выругался я, потирая ушибленное место. — Скорее бы вернуться домой.

— Потерпи, — Вайорика сочувственно посмотрела на меня. — Господь не оставит нас. Всё образуется.

— Ага, — нехотя выдал я, прикрывая глаза.

Карета катила дальше, а я пытался хоть немного отдохнуть. Да не тут-то было! Дикая тряска не давала даже сидеть нормально. Каждая кочка отдавалась болью в спине. Амулеты противно звякали и тёрли шею.

Минут через десять я снова выглянул в окно — и чуть не поперхнулся! Куда мы, чёрт возьми, прёмся?!

Раньше по бокам дороги тянулся обычный лес — ёлочки, берёзки, кусты. Довольная, сытая луна виднелась сквозь кроны. Мелкие звёздочки подмигивали мне на тёмно-синем небе. А теперь... теперь я ощутил себя героем какой-то страшной детской сказки.

За окошком кареты проплывали жуткие силуэты скрученных деревьев. Их уродливые стволы сплетались кривыми ветками, а кору покрывал странный белёсый мох, который светился в темноте слабым, болезненным светом.

Луны больше не было. Точнее, я не мог разглядеть её через плотную, колючую шапку гигантских выющихся растений, и от того всё вокруг казалось окутанным липкой пеленой живой и грязной тьмы.



А воздух? Даже воздух изменился. Теперь сквозь щели в стенках карету наполняло что-то тяжёлое и влажное со сладким гниlostным привкусом.

— Вайорика, — тихо позвал я.

— Что? — служанка оторвалась от чёток.

— Где мы?

Вайорика выглянула в окно и побледнела.

— Святые угодники... — прошептала она. — Это... это не наша дорога.

— Как — не наша?

— Мы должны были ехать по главной дороге! — Вайорика перекрестилась дрожащими пальцами. — Где всегда, даже ночью, можно встретить добрых людей и постоянные дворы. А это... это старая дорога. Храни нас Господь, по ней уже лет двадцать никто не ездит!

— Почему?

Вайорика не ответила. Просто смотрела в окно с таким выражением лица, что мне стало не по себе.

Карета вдруг дёрнулась, замедлилась со странным скрипом, а потом и вовсе остановилась.

Мы замерли, глядя друг на друга.

— Так и должно быть? Почему мы встали? — лепетал я, обливаясь холодным потом.

— Не знаю, — всё также тихо ответила Вайорика.

Я весь превратился в слух, но снаружи было тихо. Полная, мёртвая тишина: ни шагов, ни голосов сопровождающих нас слуг, ни ржания лошадей. Даже ветра не было — листья на уродливых деревьях висели неподвижно, как застывшие.

Я набрался непонятно откуда взявшейся смелости, высунулся в окно и... чуть не застрял башкой в проёме, в панике впихивая себя обратно.

Кучер исчез! Козлы были пусты. Вожжи болтались, касаясь земли. Лошади стояли, опустив головы, и тяжело дышали. Белая пена капала с их морд.

— Кучер пропал, — прошептал я, чувствуя, как от страха немеют ноги.

— Что?! Что ты такое говоришь? — Вайорика придвинулась ко мне и тоже выглянула в окно. — Быть не может! Он же...

Я обернулся назад и прильнул к небольшой щёлке между обшивкой кареты. Смотрел туда, где должны были ехать всадники-охранники, но за каретой никого не было. Дорога была пуста. Только белёсый мох на деревьях светился в темноте, как гнилушки.

— Стража тоже пропала, — прохрипел я.

Вайорика оторвалась от просмотра, схватилась за крестик на шее и начала быстро шептать молитву. Её губы дрожали.

Я прикрыл окошко занавеской. Моё сердце, кажется, никогда ещё не стучало так громко. Впрочем, это же было сердце Шарлотты, а как оно обычно вело себя в подобных ситуациях, я не знал.

— Что нам делать? — почти рыдала Вайорика.

— Не знаю, — честно признался я.

Мы сидели, вжавшись в деревянные лавки. Снаружи по-прежнему царила убийственная тишина. Даже лошади перестали шумно дышать, и теперь терпеливо стояли, ожидая хоть какого-то движения или команды.

Звуковой вакуум становился невыносимым.

— Может, они, ну, отошли? — неуверенно предположил я. — По нужде, например? До ветру, короче.

— Все трое? Одновременно? — Вайорика покачала головой. — Нет. Случилось что-то недоброе. Что-то точно случилось. Храни нас, Святая Дева.

Впервые в жизни я понял, что не знаю, как ответить женщине. Она была права. Тысячу раз права! И я чувствовал это каждой клеточкой чужого тела. Атмосфера вокруг нас буквально искрилась от напряжения, как будто мы попали не в то место и не в то время.

— Надо выйти, — сказал я, хотя сам себе не верил. — Проверить. Может, с лошадьми что-то случилось. Или колесо, там, отвалилось.

— Ты с ума сошёл?! — Вайорика схватила меня за руку. — Мы не знаем, что там! А если это лесные упыри? Они сдерут тёплое мясо с наших костей и съедят, ещё до того, как наши сердца перестанут биться. Не ходи! Вдруг это и вправду они? Или... или что похуже!

— А что? Здесь водятся твари и похуже? — посиневшими губами попытался улыбнуться я.

Вайорика открыла рот, но вдруг замолчала, уставившись в окно. Глаза её расширились.

— Вайорика? — я почувствовал, как по спине ползёт холодок. — Что ты там увидела?

Она медленно подняла дрожащую руку и ткнула пальцем в окно, не в силах вымолвить ни слова.

Глава 7

Я осторожно перевёл взгляд и, не отдергивая шторку, посмотрел на лес.

За окном, между искривлёнными деревьями, маячили тени. Точнее, фигуры. Кажется, человеческие, ну, или почти человеческие. Я не мог разглядеть лиц, только силуэты в лунном свете.

Одна. Две. Пять. Семь?

Они стояли неподвижно, как статуи, но точно смотрели на карету. Я кожей чувствовал их пристальные и изучающие взгляды.

— Лесные упыри, — прошептала Вайорика, судорожно перебирая чётки. — Святые угольники, это они. Я знаю. Моя тётушка рассказывала... Сперва они высасывают душу через глаза, потом пожирают ещё живую добычу, а кости выбрасывают догнивать в трясине... Мы обречены...

— Заткнись, — велел я, не отрывая взгляда от фигур. — Думать мешаешь.

Я, конечно, врал. Ни о чём я не думал, а просто безвольно наблюдал как одна из теней медленно и беззвучно двинулась к нам. Шаг. Ещё шаг. Остальные последовали за ней.

Амулеты на моей шее вдруг стали холодными. Я дёрнулся от неожиданности.

— Они идут, — выдохнул я. — Вайорика, они идут к нам.

Служанка вцепилась в мою руку:

— Сделай что-нибудь, демон Глеб! — придушено истерила она.

— Да чего я сделаю-то? — вырвался из колючей хватки я. — Закидаю их мешочками с чужими зубами?!

Вайорика обречённо всхлипнула.

А тени всё приближались. Через минуту они уже окружили карету со всех сторон. Я сжал кулаки — помирать, так красиво. Может, успею набить пару упырских морд перед бесславной кончиной.

Одна из тёмных фигур подошла к дверце. Протянула руку в потёртой перчатке. Схватила за ручку.

Я перестал дышать и вжался спиной в жёсткие доски кареты.

Дверца распахнулась... и в проёме появилась физиономия.



Мужская небритая рожа с кривым носом, шрамом через всю щёку и отсутствием нескольких передних зубов. Пространство кареты немедленно заполнилось вонью грязной одежды, пота и дешёвой выпивки.

Мужик сально ухмыльнулся, демонстрируя дыры в зубном ряду, и произнёс густым басом:

— Ну здрасти, дамы-мадамы!

Моему удивлению не было предела:

— Лесные упыри, говоришь? — я ткнул пальцем почти ему в нос. — Этот — упырь, потвоему? Да это бомжара какой-то местный! У меня на районе похожий трётся.

— Э! Ты чего? — потупился мужик, отбиваясь от моей руки.

— Я... я думала... — пролепетала Вайорика.

— Меньше думай в следующий раз! Тебе вредно! Напугала до чёртиков своими сказками!

Мужик хохотнул и гаркнул куда-то себе за спину:

— Слышь, братва, тут две красотули нас за упырей приняли.

Лесная тишина взорвалась скрипом грубого прокуренного смеха. Судя по его тональности, вокруг нас находилось восемь или девять типов. Я вытянул шею и смог разглядеть нескольких персонажей в выдавшей виды одежде, с оружием на поясах и в руках. Ножи, дубинки, а у одного — даже короткий, немного ржавый меч.

— Не бойсь, лапуля, — обратился ко мне бомжара. — Нам твоя душа не за чем, а вот кошель — очень даже кстати придётся. Уяснила, принцесска?

Местная гопота. Обычные, земные, вонючие разбойники. Странно, но мне реально стало легче. По крайней мере, с ними можно было иметь дело, в отличие от людоедской нечисти.

— Значит так, милая, — главарь облокотился на дверцу кареты и ещё раз с интересом заглянул внутрь. — Давай-ка выходи. И подружку свою прихвати. Поговорим по-хорошему.

— А если не выйдем? — огрызнулся я.

Мужик присвистнул:

— Ого! Девушка с характером. Люблю таких.

— А они тебя?

Он скривил тупую рожу:

— Ты, это, того! Давай не выёживайся. Делай, чего велено. А то ведь я и ножичком поиграться могу — чик-чик — и нет у тебя милого личика. Усекла?

Я посмотрел на Вайорику. Та сидела, прижав чётки к груди, и молилась. Губы её шевелились, из глаз текли слёзы.

— Вайорика, — тихо позвал я.

— Господи, спаси и сохрани, — шептала она. — Святая Дева, защити рабу твою...

— Вайорика!

Она вздрогнула и подняла на меня безумные глаза:

— Они убьют нас! Или того хуже! Продадут в рабство! Или...

— Успокойся, — я сжал её руку. — Пока ничего не случилось, а ты уже паникуешь.

— Что? — Вайорика всхлипнула. — Ты верно не понимаешь? Мы мертвы! Мы...

Мужик стукнул кулаком по дверце и отошёл, освобождая проход:

— Эй! Хватит там болтать! Выходите, пока я добрый!

Я глубоко вздохнул и встал. Нагнулся, чтобы вылезти из кареты, зацепился плащом за что-то острое, выругался сквозь зубы и наконец выбрался наружу, ухватившись за беззубого, как за поручень. Тот немного напрягся, но не сопротивлялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.